

СТЫДНЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ

СОЛЖЕНИЦЫН ПРОЩАНИЕ С МИФОМ

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
АНДРЕЙ ФУРСОВ
РЕКОМЕНДУЮТ ПРОЧИТАТЬ!

Александр Владимирович Островский Солженицын.

Прощание с мифом

Серия «Стыдные тайны XX века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68844159

Солженицын: прощание с мифом / Островский А.В.: Книжный мир;

Москва; 2021

ISBN 978-5-6045314-4-0

Аннотация

Проследивая жизненный путь лауреата Нобелевской премии Солженицына, автор книги показывает, что, призывая других жить не по лжи, сам писатель этого принципа никогда не придерживался. С учетом этого совершенно иной характер приобретает как история его первого ареста и пребывания в ГУЛАГе, так и его противостояние с советской системой.

Обращая внимание читателей на это, выдающийся историк заставляет задуматься не только над диссидентским движением в Советском Союзе 1960-1980 гг. и той борьбе, которая шла тогда в правящих верхах советского общества, но и об истоках той трагедии, которую переживает наша страна.

2-е издание, дополненное и исправленное.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

А. И. Фурсов	5
Вместо предисловия	47
Часть первая	51
Глава 1	51
Корни	51
«Рос я запутанный, трудный, двуправдый»	58
Сталинский стипендиат	71
Из обоза в разведку	81
Образцовый офицер	91
Глава 2	102
«Ни на что непохожий арест»	102
Удивительное следствие	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Александр Островский Солженицын.

Прощание с мифом

© А. В. Островский, 2021

© А. И. Фурсов, предисловие 2021

© М. Г. Делягин, послесловие 2021

© Книжный мир, 2021

Предисловие – А. И. Фурсов

Послесловие – М. Г. Делягин

* * *

А. И. Фурсов

Солженицын и власть: жизнь во лжи (предисловие)

*И во веки веков, и во все времена
Трус, предатель – всегда презираем.*

В. Высоцкий

1

В 2004 г. вышла книга замечательного историка Александра Владимировича Островского «Солженицын. Прощание с мифом»¹. В ней автор разобрал литературную и политическую биографию А. И. Солженицына. Последняя глава книги называется «Глупость или измена?». Причём оба эти слова адресованы не столько Солженицыну, сколько КГБ. Двенадцать лет спустя в работе «Солженицын, КГБ, круше-

¹ Островский А. В. Солженицын. Прощание с мифом. М.: Яуза. Пресском, 2004. 735 с.

ние СССР»² А. В. Островский развил эту тему.

Книга 2004 г. вышла четырёхтысячным тиражом, практически сразу же была раскуплена и стала библиографической редкостью. Сборник «De Secreto», для которого была специально написана вторая работа, вышел суммарно шестью тысячами экземпляров – три издания быстро разошлись полностью, тоже став библиографической редкостью. В связи с этим было принято решение переиздать работу 2004 г. Это необходимо как в связи с замечательным текстом, так и с той ситуацией, которая складывалась в последние годы по поводу Солженицына и вокруг него – ситуацией, которая отражает некие тенденции в развитии властно-идейной жизни РФ. Кроме того, Солженицын, будучи весьма средним писателем, интересен как фигура в игре под названием «Холодная война», а также в своих отношениях с властью – советской, западной, антисоветской (РФ). В то же время отношение всех этих властей к нему проявляет и сами эти власти, и писателя – как при его жизни, так и после смерти.

Солженицын умер в августе 2008 г. В сентябре 2017 г. появилась информация о том, что МИД РФ собирался предложить ЮНЕСКО сделать 2018 г. – год столетия со дня рождения А. И. Солженицына – годом Солженицына. Прочтя первые строки этого сообщения, я удивился: если бы речь шла о козыревском МИДе, то всё было бы логично, но нынешний

² Островский А. В. Солженицын, КГБ, крушение СССР // De Secreto / О секрете. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 321–530.

МИД, кажется, другой. Или это только кажется? Но уже следующие строки внесли ясность: реальным инициатором является правительство РФ – «благую весть» об этом сообщил на брифинге журналистам тогдашний руководитель аппарата правительства в ранге вице-премьера С. Приходько (тот самый, который в 2018 г. в компании с О. Дерипаской попадёт в неприятную историю с проституткой пэтэушного облика по кличке «Настя Рыбка» и после скандала будет вынужден тихо покинуть хлебную должность). Он разъяснил, что оказывается, ещё в 2015 г. правительство разработало «план основных памятных мероприятий, направленных на глубокое изучение и популяризацию наследия автора среди молодёжи и старшего поколения». По задумке инициаторов, год Солженицына также должен был привлечь внимание международного сообщества к творчеству Солженицына.

Последнее звучит весьма «трогательно». Дело в том, что на Западе Солженицына почти забыли, – причём ещё при его жизни там: отработанные инструменты и материалы Холодной войны неактуальны. С началом перестройки и приходом к власти в СССР (неважно в данном случае – по дури или из плохишеско-предательских побуждений) внутренних разрушителей строя, страны, системы надобность во внешних разрушителях типа Солженицына, по сути, отпала. Да и надоел он Западу своими поучениями и претензиями на роль учительного старца – там этого не любят. Неслучайно в начале 1990-х, накануне возвращения Солженицына в РФ, во

французской газете Le Monde появилась карикатура: у полуоткрытой двери в кабак с бандитами и непотребными девками (так Le Monde изобразил Россию) отирается Солженицын и, просясь внутрь, объясняет охраннику: «Могу быть духовным наставником, совестью нации». Вернуться получилось, с духовным наставничеством и совестью – нет. Но это уже наши дела, а не Запада, где Солженицына с его Нобелевской премией, повторю, подзабыли. (Впрочем, по сравнению с таким ничтожеством как литнобелевка Алексиевич Солженицын, действительно, гигант.) И правительство РФ озабочилось напомнить. А заодно приобщить к опусам малочитаемого автора российскую публику различных возрастов. Ну и увековечить память о нём памятником. Сказано – сделано: 11 декабря 2018 г. в Москве открыт памятник Солженицыну. Скорее всего этот памятник, если его не будут охранять, ждёт такая же судьба, как и памятник ему во Владивостоке: на нём с завидной регулярностью появляется вывеска с надписью «Иуда».

2

Но чем же так дорог и мил властям РФ Солженицын? Может, он, действительно, великий русский писатель, чьи произведения украсили нашу литературу? Может, он, действительно, моральный авторитет, совесть нации, а вся его жизнь – это реализация провозглашённого им принципа «жить не

по лжи»? Или всё это мифы, созданные им самим, распространённые Западом в годы Холодной войны и принятые (по каким-то причинам) в качестве правды властями РФ? Может, он действительно великий писатель, а вовсе не «литературный власовец», как его место определили ещё в советские времена?

Разберёмся.

«Продавшимся» и «литературным власовцем» назвал когда-то Солженицына, например, советский историк Н. Н. Яковлев, и эту точку зрения разделяли в советские времена многие. Кто-то скажет: но то советские времена, пропаганда, призванная опорочить борца с Системой. Но посмотрим, что писали и говорили о Солженицыне в советские времена на Западе. Замечательный американский писатель Гор Видал назвал Нобелевского лауреата просто: «плохой писатель и к тому же дурак». Для блестящего мыслителя А. Шмемана Солженицын был нарциссом с манией величия, для А. А. Зиновьева – объектом глубокого презрения, лжецом. Да и в РФ далеко не все в восторге от Солженицына как писателя (достаточно вспомнить, что писал о нём Ю. Поляков) и как деятеля. «Насквозь лживый и продажный мерзавец, разрекламированный на весь мир», – так определили Солженицына А. Беляков и О. Матвейчев в отличной книге «Ватник Солженицына». «Глумливый предатель-дезертир-стукач» (их же определение). Эти авторы не одиноки в своей оценке.

«Лживый» – этот эпитет постоянно сопровождает Солженицына. А как иначе? Трудно сказать, когда он не лгал. Пытаясь представить себя «боевым офицером», он как-то «забыл», что в боевых действиях, по сути, не участвовал. Попав в феврале 1943 г. на фронт, Солженицын вовсе не провоевал всю войну командиром артиллерийской батареи, а служил в звуковой батарее радиоразведки. Причём служил в довольно комфортных условиях. Он вообще умел устроиться с комфортом, – даже в лагере. Сидел под Москвой и в Москве (лагерь № 121 на Калужской заставе); был завпроизводством, помощником нормировщика, затем – 4 года шарашки (математик, библиотекарь – непыльно). «Самый лёгкий вид ареста» – так сам Солженицын писал о своём аресте.

Почему так? Скорее всего потому, что в начале 1945 г. Солженицын согласился стать стукачом (оперативный псевдоним «Ветров»), доносящим о готовящихся побегах. 20 января 1952 г. он ставит администрацию лагеря в известность о подготовке зэками восстания. В действительности, как пишут А. Беляков и О. Матвейчев, «никакое восстание не планировалось; небольшая группа заключённых собиралась пойти к начальству с просьбой». Полагая, в соответствии с доносом Солженицына, что небольшая группа – это авангард восставших, лагерное начальство приказало открыть огонь. То есть перед нами доносчик, намеренно виновный в гибели людей.

Впрочем, доносил Солженицын не только на чужих ему

людей, но и на близких. Будучи арестован в феврале 1945 г., он во время следствия оболгал ближайших друзей и даже жену, показав, что это отъявленные враги советской власти с большим стажем антисоветской деятельности. В результате, например, его школьный друг Виткевич получил 10 лет (сам Солженицын – 8). И в более позднее время, во второй половине 1960-х – в начале 1970-х годов, Солженицын будет сознательно подставлять людей, как пешек в своей игре, под удары власти, используя это в качестве доказательства репрессивного характера системы. Причём он сам откровенно опишет эту методику в книге «Бодался телёнок с дубом», – там хватает подобных циничных пассажей.

Только крайние апологеты Солженицына, вроде автора бесстыдной и бессовестной биографии Солженицына Л. Сараскиной не заметят этого; точнее, приложат все усилия, чтобы не заметить откровения их героя, действия которого по отношению к ряду людей вполне можно назвать палаческими. Собственно, и сам «герой» об этом проговаривается. Так, в книге «Архипелаг ГУЛаг» есть прелюбопытнейшее место, где он характеризует себя так: «вполне подготовленный палач». И далее: «...может быть у **Берии я вырос бы как раз на месте** (*подч. мной. – А.Ф.*)... да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они». Есть у Солженицына подобного рода обращение и к деятелю другой эпохи: «...а и скликнул бы нас Малюта Скуратов – и мы бы не оплошали».

Продолжал Солженицын, мягко говоря, «фантазировать» и в лагере, и в ссылке, и на воле. В 1955 г. он отправил на имя Н. С. Хрущёва прошение о помиловании, где главным аргументом станет онкологическое заболевание на стадии метастаз, проникших в лимфатические узлы. Однако врачи заболевания не обнаружат. Позднее, в «Раковом корпусе» Солженицын опишет свою болезнь. Однако медики, которым довелось прочесть книгу, отметят: симптомы и ход болезни описаны нечётко и некорректно, словно с чужих слов, а не по собственному опыту.

Ещё одна ложь – это то, как якобы бедствовал Солженицын в СССР вплоть до эмиграции – «жил на один рубль в день». На самом деле в «Новом мире» он сразу же начал получать большие гонорары, а с марта 1963 г. на его счёт пошла и валюта – гонорары за перевод повести «Один день Ивана Денисовича». С неё началось восхождение Солженицына к всесоюзной и мировой славе, и на ней имеет смысл остановиться чуть подробнее.

3

«Один день...» написан на злобу дня и появился в нужный для Хрущёва и его группы момент. Борьба в верхушке потребовала нового витка разоблачений Сталина, что и было сделано на XXII съезде КПСС. Обстановка способствовала публикации, в «Новом мире» тематику повести приняли «на

ура» – она весьма соответствовала политической конъюнктуре. Как заметил не кто-нибудь, а Лев Копелев, «солженицынская смелость – это смелость человека, первым ступившего на разминированное поле».

На рекламу «Одного дня...» ещё до выхода повести был брошен советский пропагандистский аппарат, и средненькую повесть возвели в ранг литературного достижения. Даже в оформлении книги, вышедшей отдельным изданием сначала в «Роман-газете», Солженицын остался верен себе: как он сам признался, фото на обложке было таким, каким нужно: мы изобразили «выражение замученное и печальное». Неслучайно Варлам Шаламов – человек, который отсидел в лагерях не 8, а 18 лет, причём в условиях несравнимо тяжелее солженицынских (читай «Колымские рассказы»), и в суровой порядочности которого нет оснований сомневаться, познакомившись с Солженицыным, охарактеризовал его как дельца: «Деятельность Солженицына – это деятельность дельца, направленная на личный успех со всеми провокационными аксессуарами подобной деятельности». Показательно, что Шаламов категорически запретил Солженицыну пользоваться его, Шаламова, архивом, до которого тот так хотел добраться.

Солженицын стремился сделать карьеру большого советского писателя: передавал заискивающие приветы Н. С. Хрущёву («Из литераторов моего круга я не знаю никого, что бы так легко и беспардонно врал и льстил партийному руково-

дителю», – это В. Войнович о Солженицыне); лебезил перед М. А. Шолоховым, А. Т. Твардовским, другими литначальниками; позже он выльет немало грязи и на Шолохова, и даже Твардовского, своего главного благодетеля, пнёт. Ну что же, как говорил Гамлет, неблагодарность есть свойство низких натур.

«Один день...» был выдвинут на соискание Ленинской премии – то был пик в карьере Солженицына как советского писателя. Получи он вождеденную премию, и, можно не сомневаться, КПСС обзавелась бы ещё одним «подручным партии», как называл совписов Хрущёв. Но – не сложилось. Премию получил О. Гончар. Солженицын страшно обиделся на советскую власть, однако ещё несколько лет пытался делать карьеру советского писателя – ходил на приём к министру культуры П. Н. Демичеву, отрекался от каких-то своих старых произведений (например, от «Пира победителей»), от зарубежной публикации «Ракового корпуса», систематически не подписывал никаких обращений к власти в защиту подвергавшихся преследованиям инакомыслящих, будь то Ю. Сиявский, А. Даниэль, И. Бродский, П. Григоренко или А. Марченко. «Они избрали свою судьбу сами», – так Солженицын мотивировал свой отказ.

До поры он не желал превращаться в борца с властью, поскольку всё ещё рассчитывал на советскую карьеру. Однако, во-первых, шансов на неё становилось всё меньше; во-вторых, амбиции Солженицына стали расти непомерно его ре-

альному статусу – хотелось быть не просто писателем, а учительным старцем, наставляющим общество и, самое главное, власть; в-третьих, будущий лауреат стал всё больше заглядывать в сторону Запада как альтернативного варианта карьеры, но уже не советского, а мирового масштаба. Был и четвёртый фактор, но о нём позже.

Постепенно Солженицын стал склоняться к тому, чтобы сделать ставку не на СССР, а на противостоящую ему систему. Какое-то время (февраль 1965 – февраль 1967 г.) он работал в обоих направлениях одновременно, всё более, однако, склоняясь к «западному» и превращая советское в элементарную – до времени – мимикрию. Но для этого надо было привлечь внимание к себе Запада. А средство было одно – открыто вступить в конфликт с советской системой, советской властью. И Солженицын начал провоцировать власть. Тут к тому же – как по заказу: в октябре 1965 г. КГБ демонстративно изымает у него часть архива – и внимание было привлечено. В мае 1967 г. наступил «момент истины» (если слово «истина» хоть как-то может быть соотнесено с Солженицыным). Ещё в марте «мэтр» взялся сочинять обращение (по сути – политическое) к IV Всесоюзному съезду писателей СССР. За пять дней до открытия съезда он начал рассылать своё письмо, и 31 мая оно было опубликовано французской газетой «Le Monde», после чего его стали перепечатывать другие издания, в том числе эмигрантские.

Вот как сам Солженицын – внимание! – характеризует си-

туацию: «...ведь Запад не с искажённого “Ивана Денисовича”, а только с этого шумного письма выделил меня и стал напряжённо следить». Иными словами, сигнал был подан и принят. На Западе поняли: появилось нечто, что можно использовать в качестве орудия в Холодной войне. Прав был В. Шаламов, написавший позднее Солженицыну: «... Пастернак был жертвой Холодной войны, Вы – её орудие».

Как заметил Г. А. Морев, в середине 1960-х Солженицын перестал быть литератором в традиционном смысле; все его произведения после этого срока – силовые акции, все тексты – удары по СССР. Именно с середины 1960-х и особенно на рубеже 1960-1970-х годов к Солженицыну в его новом качестве начинают присматриваться западные спецслужбы и – под определённым углом, сообразным новым задачам – КГБ. Вскоре рукописи Солженицына находят свой путь в парижское издательство YMCApress.

А. Флегон, автор книги «Вокруг Солженицына», писал, что именно американская разведка была действительным хозяином эмигрантских изданий, включая YMCA, которая финансировалась ЦРУ и русским отделом Госдепа. Выскажу предположение о том, что поворот Солженицына от литературы к рекламно-конфронтационной (по отношению к СССР) политике был связан не только со стремлением сделать карьеру на Западе (в мировом масштабе), но, помимо прочего, со следующим. При всей эгомонии, при всём представлении о собственном величии подсознательно Солжени-

цын, скорее всего понимал, что ни новым Толстым, ни даже новым Шолоховым ему не стать – не допрыгнуть. Кстати, именно поэтому он так ненавидел Шолохова и клеветал на него – хотелось занять его место. Не будучи способным создать нечто даже близко подходящее к уровню не только «Тихого Дона», но также «Поднятой целины» и «Донских рассказов», он стремился отнять у Шолохова великий роман, отказывая в авторстве. Это похоже на логику подлеца Ромашкова («Ромашки») из каверинских «Двух капитанов»: не будучи способным на такую любовь, которую испытывал к Кате Татариновой Саня Григорьев, он – в подлости своей – мог только одно: постараться отнять у него Катю, в чём сам откровенно признался Григорьеву.

4

Но, может, Солженицын, по крайней мере, крепкий мастеровитый писатель, мастер пера?

Нет, не тот случай.

Начать с того, что есть существенная разница между теми работами Солженицына, которые редактировал сильный редактор (например, А. Берзер в «Новом мире»), и теми, которые будущий нобелевский лауреат редактировал сам. Если первые короче вторых (отредактированный Берзер, т. е. отжаты от «воды» – повторов, длиннот, стилистической разноголосицы с перебором псевдорусских выражений – «Один

день...» уменьшился в три раза!), более цельны и осмысленны, то вторые – длинные, рыхлые, рассыпающиеся на куски тексты; достаточно взглянуть на графоманское «Красное колесо».

В серьёзном литературном таланте Солженицыну отказывали весьма разные, нередко принадлежащие к различным литературно-политическим лагерям писатели и критики: В. Войнович, В. Лакшин, Б. Сарнов, Ю. Поляков и ряд других. Думаю, все они подписались бы под вердиктом В. Шаламова: «Солженицын – писатель масштаба Писаржевского». Отмечают исследователи и искусственный псевдорусский язык Солженицына – язык горожанина, старательно канаящего под якобы простой исконно русский говор.

Из всего сказанного – простой вывод: Солженицын – тотально сфальсифицированный по политическим причинам литератор; посредственный писатель третьего (в лучшем случае) ряда.

5

Чтобы реально стать орудием Холодной войны, чтобы с полным основанием, подобно Плохишу, прокричать: «Радуйтесь!.. Это всё я, Плохиш, сделал [...] То-то сейчас грохнет», – Солженицыну нужно было изготовить некий опус, причём не художественный, а политический, быющий по Советскому Союзу и очерняющий его в глазах западной обще-

ственности. Таким «произведением» стал «Архипелаг ГУ-Лаг». А. В. Островский в фундаментальном исследовании «Солженицын. Крушение мифа» со всей скрупулёзностью установил, что «Архипелаг...» был написан в четыре захода с февраля 1965 по апрель 1968 г.: 90 авторских листов (почти 2000 стр.) за 300 дней, т. е. чуть более 6 страниц плотного текста в день.

Солженицын писал «Архипелаг...», но не публиковал его, а прятал, как он утверждает, по знакомым, и так длилось минимум пять лет – до 23 августа 1973 г. В тот день произошли два события: 1) Солженицын дал большое интервью иностранным корреспондентам; 2) КГБ изъял один из экземпляров «Архипелага...» у Е. Воронянской, которой Солженицын отдал его на хранение (очень похоже на согласованное обеими сторонами – КГБ и Солженицыным – активное мероприятие). После изъятия Воронянская повесилась, и 5 сентября Солженицын дал команду печатать «Архипелаг...» в эмигрантском издании YMCA-Press (Париж).

В тот же день, 5 сентября, советскому руководству было передано написанное в конце августа провокационное солженицынское «Письмо вождям Советского Союза». В руководстве не было единой точки зрения, что делать со скандалистом. Одни (Брежнев, Косыгин) считали необходимым арест, другие (Андропов) – высылку. Уже тогда Андропов чётко зафиксировал, среди кого Солженицын и его писания найдут поддержку – среди десятков тысяч власовцев, оунов-

цев и других враждебных элементов. И, действительно, в «Архипелаге...» Солженицын с симпатией пишет и о бандеровцах, и о власовцах, пытаясь их облагородить, а фактически – реабилитировать. «Литературный власовец» – эта характеристика приклеилась к Солженицыну и из-за содержания его деятельности в целом, и из-за того, что он выступал на стороне Запада в борьбе последнего против СССР (но, в отличие от А. А. Зиновьева, не раскаялся и не покаялся в этом), и из-за конкретной позиции по Власову. Своим «Архипелагом...» Солженицын по сути доказал, что он – власовец, причём не только литературный, но и политический.

Вернёмся, однако, к дебатам 1973 г. в советском руководстве – оно колебалось. Солженицын же тем временем повышал градус, накал противостояния. Он использовал неповоротливость зрелой брежневской системы, её мягкость (а, точнее, – дряблость), её оглядки на Запад. Разумеется, тогда не было крайних форм холуйства перед Западом, характерных для большей части постсоветских элит и их медиа-обслуги, однако уже тогда была видна зависимость части советского руководства от мнения Запада, с которым хотели дружить («детант»). Вкупе с управленческой неповоротливостью власти всё это давало Солженицыну шанс.

«Советскую власть образца 70-х годов, – пишет В. Войнович в книге о Солженицыне «Портрет на фоне мифа», – Андрей Амальрик сравнивал со слоном, который хотя и силён, но неповоротлив. Ему можно воткнуть шило в зад, а пока он

будет поворачиваться, чтобы ответить, забежать сзади и воткнуть ещё и ещё. Так примерно и поступал со слоном-властью Солженицын». Осенью и в декабре 1973 г. советское руководство так и не раскачалось что-либо решить по поводу Солженицына, и в начале 1974 г. он делает следующий ход.

11 февраля 1974 г. Солженицын запускает Манифест «Жить не по лжи» и добивается желаемого результата: его арестовывают, обвиняют в измене Родине и лишают советского гражданства. На следующий день, выдав приличную одежду (включая пыжиковую шапку) и 500 западногерманских марок, его сажают на самолёт и отправляют на Запад. Здесь в 1975 г. он получает Нобелевскую премию по литературе – за «Архипелаг ГУЛаг». Впрочем, то, что здесь литературой и не пахнет, а речь идёт сугубо о политике – об антисоветской политике, о Холодной, информационно-психологической войне против СССР, – писала даже западная пресса. Ограничусь только одним примером: влиятельная западногерманская *Die Welt* охарактеризовала Нобелевскую премию Солженицына как политическую демонстрацию. То есть, проще говоря, расценила «нобелевку» как 30 серебряников.

Исходно немалую роль в шустрении по выдвижению Солженицына на Нобелевскую премию сыграл НТС – Народно-Трудовой Союз, организация ярых антисоветчиков, ставившая задачу свержения советского строя (до середины 1950-х годов – исключительно насильственного). «Окормля-

ли» НТС ЦРУ и БНД. Впрочем, как выясняется, не только ЦРУ и БНД, но и КГБ. А. В. Островский в своей работе о Солженицыне ссылается на бывшего работника 5-го Управления КГБ СССР подполковника А. Н. Кичихина. «Многие наши сотрудники в кулуарах управления, – подчёркивал подполковник, – говорили довольно откровенно: если бы КГБ не подкреплял НТС своей агентурой, Союз давно бы развалился... Получалось, что мы подпитывали НТС и кадрами, и, так сказать, интеллектуально»³.

Признание А. Н. Кичихина – не хвастовство и не преувеличение. Эмигрантские организации с самого их возникновения были напигованы советской агентурой. Что касается НТС, то В. Буковский вообще называл его «организацией-двойным агентом», искусственно поддерживаемым и ЦРУ, и КГБ, – так сказать, совместным предприятием (создаётся впечатление, что таким же «совместным предприятием» был с определённого момента и Солженицын, не говоря уже о диссидентском движении в СССР). Другие вопросы – какие функции выполняла эта агентура в эмигрантской среде и какую роль это сыграло в конечном счёте в разрушении СССР.

Особенно активизировался НТС на рубеже 1960-1970-х годов. Здесь и кампания за присуждение Солженицыну «нобелевки» (публикация в 1969 г. в сотрудничавшем с

³ Островский А. В. Солженицын. Прощание с мифом. М.: Яуза. Пресском, 2004.С. 565.

НТС журнале «Часовой»), и деятельность созданной НТС в начале 1970-х спецкомиссии по выработке новых форм в СССР. В опубликованной спецкомиссией брошюре говорилось о необходимости перестройки в СССР: «России нужна не только политическая, но и духовная перестройка». В направлении именно такой перестройки работали НТС и западные спецслужбы, используя Солженицына в качестве ударного инструмента, а его «Архипелаг...» — в качестве орудия психоударной акции.

На Западе Солженицын довольно быстро разочаровал и властную элиту, и эмиграцию. Последнюю он начал поучать, пытаясь стать её неформальным главой, и тут же нарвался на жёсткую отповедь Андрея Синявского. Что оказалось ещё хуже для Солженицына, он начал поучать западную, прежде всего американскую элиту, как ей вести себя по отношению к Советскому Союзу. Выступая 30 июня 1975 г. в отеле «Хилтон», Солженицын призвал президента США Дж. Форда как можно больше и активнее вмешиваться во внутренние дела СССР, усиливая давление на него, в том числе с помощью военных угроз. Американцы охарактеризовали выступление Солженицына как прогитлеровское и глупое, а его самого — как фанатика, который стремится прекратить процесс детанта, разрядки международной напряжённости и вернуть мир в состояние Холодной войны; сотрудники аппарата Форда не рекомендовали ему назначать аудиенцию писателю ввиду «умственной нестабильности» последнего.

Неудивительно, что интерес к Солженицыну и его «Архипелагу...» начал быстро падать: первый том вышел тремя изданиями – 60 тыс. экз., которые разошлись; второго тома разошлось только 4 тыс., а третьего – 2 тыс., и остатки так и были погребены на складах.

Если политический истеблишмент США быстро потерял интерес к Солженицыну, то спецслужбы этот интерес ещё какое-то время сохраняли. ЦРУ весьма интересовалось лауреатом, как и те круги в США, которые работали на **свёртывание** разрядки и обострение американо-советских отношений. (Аналогичный интерес был и у части советского руководства – и у тех, кто считал необходимым поддержание определённого уровня конфронтации с Западом вообще и США в частности, и у тех, кто выбрал в качестве главного западного партнёра не США, а воссоздающуюся невидимую Британскую империю⁴.)

Во всём, что делал и писал Солженицын на Западе, он со всей очевидностью выступал как враг СССР, т. е. исторической России, как бы она ни называлась, т. е. как враг русского народа. Впрочем, что же удивляться. Ещё в 1950 г. он хотел, чтобы Трумэн сбросил атомную бомбу на СССР, но Трумэн уже не мог этого сделать, – у СССР появилась своя атомная бомба, что избавило СССР от ядерного удара, а мир

⁴ Подробней о проекте ее воссоздания и ключевой роли в нем части советской элиты см. И. И. Смирнов «Тропы истории. КRYPTOаналитика глубинной власти». М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020.

– от новой мировой войны.

Неудивительно, что главный герой романа «В круге первом» И. Володин, alter ego автора, спешит сообщить американцам, что СССР вот-вот нарушит их атомную монополию. Для чего сообщить? Чтобы американцы упредили. Упредили как? Атомной бомбардировкой. И мы знаем о немалом числе планов США конца 1940-х годов уничтожения атомным ударом сотни крупнейших городов СССР в духе того, что они сотворили с Хиросимой и Нагасаки, только теперь в масштабе целой страны под названием Советский Союз. Только обретение СССР в 1949 г. своей атомной бомбы, в чём стремился помешать нам alter ego Солженицына из его романа, спасло нашу страну и мир. Остаётся удивляться, что в романе Володина отправляют в лагерь, а не расстреливают, как это должно делать с изменниками Родины и врагами собственного народа.

«Архипелаг ГУЛаг» – это тоже измена Родине, и, поскольку именно за этот опус Солженицын получил Нобелевскую премию, на вопросе об этой книге, её качестве, о том, как она создавалась, имеет смысл остановиться подробнее. И ещё одно. Как это ни парадоксально, но именно «Архипелаг...», благодаря которому Солженицын приобрёл мировую известность, напрочь ломает его писательскую и гражданскую репутацию и прямо указывает на те секреты его литературно-политической, а точнее подрывной деятельности, которые Солженицын хотел бы скрыть. В этом плане по пово-

ду фальшивки под названием «Архипелаг ГУЛag» значение имеет всё: и лживое содержание, и структура текста, и стиль, и время появления.

5

Правы те, кто считает, что «Архипелаг...» – это полный набор мифов, использовавшихся в информационно-психологической войне против СССР геббельсовской пропагандой, а после войны – пропагандой Запада.

Главной задачей «Архипелага...» было представить СССР исчадием тоталитарного ада, которое до сих пор сохраняет сталинские черты, при этом одно из доказательств – оно и в 1970-е преследует таких людей как Солженицын. (Парадокс: даже антисоветчик и русофоб Зб. Бжезинский ещё в 1960 г. отказался от трактовки СССР как тоталитарного общества!) Главное доказательство «адскости» – цифры жертв так называемых большевистских (главным образом сталинских) репрессий. Здесь Солженицын далеко переплюнул лживую книгу Р. Конквеста «Большой террор». На круг у Солженицына выходит 110 млн. убитых и замученных с 1917 по 1959 г. Абсурдность этой цифры ясна и без документов: если бы за 42 года было изъято из оборота 110 млн. человек, то невозможно было бы ни страну отстроить в 1930-е, ни в войне победить, ни экономику восстановить после войны.

На беду Солженицына, в 1990-е были открыты архивы.

Совместные российско-американские исследования показали: с 1921 по 1954 г. за контрреволюционные преступления было осуждено не 110 млн., не 50 млн. и даже не 10 млн., а 3 777 380 человек; из них к высшей мере наказания было приговорено около 770 тыс. человек. Впрочем, Солженицын «подстраховался» и «соломку» заранее подстелил: он сходу предупреждает, что его «Архипелаг...» – не точное историческое исследование, а «опыт, импрессионистский взгляд». В его основе – рассказы зэков, «опыт **художественного** (выделено мной. – А.Ф.) исследования» (в смысле: если что, не обессудьте, не учёный я, писатель, так сказать, импрессионист). А поскольку «исследование» художественное, то ни ссылок, ни имён, ни источников информации. Вместо этого: «один зэка говорил», «мы верим», «один врач сказал», «мы не ручаемся за цифры, но других нет». Последнее – «других нет» – прямая ложь, они есть, и фальшивка о десятках миллионов «от коммунизма умученных» давно разоблачена. При такой «художественно-свидетельской базе» можно писать всё что угодно: и то, что за невыполнение плана зэков уничтожали ротами, и то, что трупы скармливали собакам, и то, что людей жгли заживо, и многое другое. На данный момент все эти солженицынские фальшивки, как и его «игра в цифирь», разоблачены отечественными и зарубежными историками.

Следует отметить потуги автора «Архипелага...» на философские размышления. Рассуждая о вопросе побед и по-

ражений на примере Великой Отечественной, он пишет: «... благословенны не победы в войнах, а поражения. Победы нужны правительствам, поражения нужны – народу», поскольку, почему-то считает Солженицын, поражения приводят к освобождению народа, к свободе. Получается, что если бы СССР потерпел поражение, то советский народ обрёл бы свободу? Едва ли Солженицын не понимал, что это была бы «свобода» в немецких концлагерях с уничтожением 30 млн. наиболее активных русских по плану «Ост» и низведением до скотоподобного состояния вне культуры и истории всех остальных. Вот такое благословенное поражение придумал для русских Солженицын.

Что тут скажешь? Литературно-политический власовец. И – подумать только! – опус этого персонажа – «Архипелаг ГУЛАГ» – включён в РФ в школьные программы приказом министра образования и науки А. Фурсенко от 9.09.2009 г. Теперь российские школьники будут изучать историю своей страны по лживой и ненавистнической книге. А мы возмущаемся украинскими властями за их подход к Бандере и Шухевичу, негодуем по поводу сноса памятников советским воинам и военачальникам в странах Восточной Европы: неча на зеркало пенять, коли рожа крива, сами хороши: история Солженицына в РФ красноречиво об этом свидетельствует. Чем отличается подход Солженицына к бандеровцам, зафиксированный в книге, которую стараниями Фурсенко и ему подобных обязаны теперь читать наши дети, от того, что тор-

жествует сейчас на Украине?

Те, кто всерьёз анализировал текст «Архипелага...», отметили бросающийся в глаза факт: повторы, дублирование составляют 40 % текста. В разных главах высказываются взаимоисключающие точки зрения по одним и тем же вопросам (когнитивный диссонанс?), а сам текст стилистически дискретен, т. е. написан не одним человеком. Правда, Солженицын говорил о том, что у него было много – аж 227 – помощников, которые собирали материал. Но собирать материал и писать на его основе текст – разные вещи. И фамилия автора на книге – одна, и «нобелевку» получал один человек.

Повторы, противоречия и стилистическая дискретность свидетельствуют не только о том, что текст писал не один человек, но и о том, что его варганили, склеивали в скоростном режиме, не проверяя стыковки и не сводя к стилистическому единообразию. «Отсюда очевидно, – пишут А. Беляков и О. Матвейчев, – что данная эпопея – плод сотрудничества целого коллектива литературных работников. То есть отдельные части книги писались отдельными людьми, а Солженицын осуществлял механическую сводку этого материала, не сумев или не пожелав его вычитать и устранить бьющие в глаза противоречия и нестыковки».

Не успел и/или не пожелал? Чего ждал? Или чего ждали те, кто помогал? А выстрелил «Архипелагом...» срочно, потому что торопился. И/или торопили? Кто?

Одним из первых, если не самым первым внимание на указанные странности обратил и даже объяснил их эмигрант Николай Успенский, профессор-филолог. В 1971 г. в статье «Загадка Солженицына», опубликованной в Нью-Йорке в газете «Новое русское слово», он писал (прежде всего об «Архипелаге...»): **«Произведения Солженицына не написаны одной рукой (подч. мной. – А.Ф.).** Они носят на себе следы многих лиц разного писательского склада, разных интеллектуальных уровней и разных специальностей». И вывод: «Архипелаг...» сфабрикован в «литературной мастерской» КГБ.

На первый взгляд такой вывод кажется странным: ведь именно КГБ преследовал, прессовал Солженицына, боролся с ним. Но, как заметил А. В. Островский, как-то очень странно боролся: либо всё время бездарно, либо имитируя борьбу. О том, как КГБ мог действовать против тех, кого начальство считало врагами режима, свидетельствуют гэбэшные акции против так называемых «русских националистов». Тут было всё чётко, без намёка на имитацию. Скрупулёзно проанализировав факты, Островский пришёл к выводу, что уже в 1972 г. «Архипелаг...» был у КГБ, и вся история с Воронянской – это инсценировка; КГБ, как пишет историк, «валял Ваньку» и организовывал, добавлю я, акцию прикрытия ба-

зовой операции, а Вороньянская в этой акции, как это ни цинично прозвучит (мир спецслужб циничен по определению), была расходным материалом, «пешкой», которой «ферзь» и тяжёлые фигуры готовы были пожертвовать.

Сам Солженицын признаёт, что систематически пользовался закрытыми материалами из спецхрана Ленинской библиотеки. Их якобы обеспечивали ему его поклонники из числа сотрудников библиотеки, причём продолжали это делать даже во второй половине 1960-х годов, когда он оказался «под колпаком».

Я активно работал в спецхране во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов и свидетельствую: раза два сотрудники, конечно же, могли вынести для кого-то спецхрановские материалы. Однако делать это систематически, тем более для человека, находящегося «под колпаком» КГБ, было невозможно. А значит, всё это не могло делаться без ведома КГБ. И вот уж совсем странный факт: 3 июня 1990 г., когда Солженицыну ещё даже не вернули гражданство, КГБ «путём сожжения» уничтожил все 105 дел оперативной подборки на него⁵. Подчищали оперативные «хвосты»? И отсюда вывод Островского: давление на Солженицына со стороны КГБ, включая арест, – это форма прикрытия «какой-то многообещающей деятельности», многоходовой операции.

Подобного рода гэбэшная игра не ограничивалась толь-

⁵ Островский А. В. Солженицын, КГБ, крушение СССР // De Secreto / О секрете. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 485.

ко Солженицыным (так «играли», например, с Р. Медведевым, который тоже получал от Конторы некие закрытые материалы для работы) и вообще не ограничивались индивидами, – по сути, почти всё диссидентское движение было в большой степени спецслужбистской игрой. Это русских патриотов, или, как называл их ненавидевший их Андропов, «русистов», КГБ давил беспощадно; с либерально-прозападными диссидентами разговор был другой. Помощник Горбачёва А. С. Черняев, опубликовавший поразительные по откровенности и цинизму воспоминания, откровенно пишет: «Андропов не только придумал диссидентское движение и “раскрутил” его, но и дирижировал им». На пару с западными спецслужбами, – добавлю я, – и неизвестно, кто и кем продирижировал в конечном счёте.

Я ни в коем случае не считаю Андропова «засланным казачком», сознательно ослаблявшим СССР, как это полагают некоторые неистовые «ультрапатриоты». Андропов, действительно, нанёс большой вред и СССР, и КГБ, однако все его действия обусловлены тем, как он понимал, во-первых, свои собственные карьерные интересы; во-вторых, интересы своего ведомства; в-третьих, интересы СССР, природу последнего и перспективы социализма. А понимание это было, увы, не вполне адекватным – мягко говоря. Да и команда советников, подобранная Андроповым и унаследованная Горбачёвым, не была ни шибко интеллектуальной, ни по-настоящему патриотичной – циничные фигокарманники.

Что бы ни писали об образованности, начитанности, уме и т. п. Андропова его клеветы, все эти арбатово-бовино-бурлацкие, четвёртый генсек был достаточно ограниченным, не очень образованным, а самое главное – избыточно осторожным человеком. Отсюда – результаты правления, которые, не исключено, могли быть хуже, проживи он подольше. Впрочем, куда уж хуже, ведь сказал же в конце перестройки его (да и Суслова тоже) выдвиженец Горбачёв: «Внуков жалко».

7

Отдельный, очень важный и проясняющий многое как в солженицынской затее, с одной стороны, так и в советской и мировой политике того времени – с другой, вопрос – время публикации «Архипелага...», выбранный для этого момент. Сам Солженицын так писал о своих планах по поводу «Архипелага...»: «...дам одновременный и страшный залп» между 1972 и 1975 г... Сместилось к первой цифре – к самому началу 1970-х. «“Архипелаг ГУЛАГ” – книга страстная, – написал В. Войнович, – появилась в такой момент и в таких обстоятельствах, когда миллионы людей оказались готовы её прочесть, принять и поверить в то, что в ней говорилось»⁶. Насчёт миллионов Войнович, пожалуй, переборщил, несколько сотен тысяч – да, но и это немало. А вот в чём он

⁶ Войнович В. Портрет на фоне мифа. М.: Эксмо-пресс, 2002. С. 49.

прав, так это в том, что момент публикации книги был выбран очень точно. Забегая вперёд, отмечу: его, по-видимому, определили «плаще-кинжальные коллеги-контрагенты» по обе стороны «железного занавеса», который железным – ещё один антисоветский миф, – конечно же, никогда не был. Каждая из сторон решала свои задачи, но результирующая парадоксальным образом совпала.

Рубеж 1960-1970-х годов – что это было за время в СССР и в мире?

В мире и в СССР развивались в этот период противоречивые тенденции, которые, переплетаясь, создавали гремучую смесь. В СССР определённая часть номенклатуры – брежневская команда – считала, что на XX съезде Хрущёв перегнул палку по отношению к Сталину, и необходима определённая реабилитация последнего. В то же время и в номенклатуре, и в КГБ были силы, которые полагали необходимым продолжать курс десталинизации и не допустить хотя бы даже частичной реабилитации Сталина. В основном то были «птенцы гнезда» О. Куусинена, из которого, помимо прочих, вылетел, а точнее, был вброшен в Большую Власть и Ю. В. Андропов.

В мире, с одной стороны, ввиду ослабления США, наметилась готовность определённых кругов Запада к диалогу с СССР, к политике разрядки международной напряжённости («детанта»), улучшения американско-советских отношений, по крайней мере на время – в кратко- и среднесрочной

перспективе, пока США не встанут на ноги. С другой стороны, далеко не все на Западе были рады детанту. К тому же именно на рубеже 1960-1970-х годов правящие круги Запада, его закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления начали готовиться к перехвату исторической инициативы у Советского Союза, что и произошло в середине 1970-х годов.

Таким образом, если брать международный уровень, то «Архипелаг...» появился в момент улучшения отношений (детанта) между СССР и США, чему в немалой степени сопротивлялись определённые круги по обе стороны мировых «баррикад». Что касается советской «сцены», то здесь одной из линий противостояния была так называемая «десталинизация», но это – фасад; в реальности речь шла о векторе дальнейшего развития СССР и мировой соцсистемы – либо по пути совершенствования государственного планирования, реального (а не на словах из речей генсека и его идеологической obsługi) развития социализма, либо его «модификации» на основе рыночных реформ.

В канун XXIII съезда противникам десталинизации удалось сорвать предполагавшуюся на съезде частичную реабилитацию Сталина. Силами КГБ было организовано письмо деятелей науки и культуры против подобной реабилитации (подписи собирал Эрнст Генри), и трусоватая брежневская команда отступила, – но только отступила, причём было неясно – временно или окончательно. Чтобы отступление

стало окончательным, «либералы» в ЦК КПСС и КГБ решили использовать Запад и разрядку в своих интересах. Публикация «Архипелага...» и вызванная ею волна возмущения на Западе «сталинским террором и ГУЛагом» должна была стать серьёзным фактором давления на брежневское руководство извне в его внутренней политике. Уверен: в этом – главная причина игр КГБ с Солженицыным и «Архипелагом...», заинтересованность в публикации этой фальшивки, переброске её на Запад и обеспечения её автора «нобелевки» (впрочем, возможно и «второе дно»).

Здесь мы подходим к весьма вероятному четвёртому фактору поворота карьеры Солженицына с Востока на Запад. Нужен был фактор воздействия в определённых интересах, в определённой ситуации, на определённые круги Запада и СССР путём влияния на общественное мнение. Этим фактором стал «Архипелаг...» как составная часть возможного проекта «Солженицын». Причём в таком проекте совпадали тактические интересы части советской верхушки и стратегические интересы части западных верхушек.

Что касается советской стороны, то здесь на короткий отрезок времени парадоксальным образом совпали интересы консерваторов-ястребов («долой разрядку»!) и либералов-глобалистов, готовивших систему к перестройке. И сошлись эти линии совпадения на одной персоне.

На Западе же публикация «Архипелага...» рассматривалась как мощный залп начинающейся информационно-пси-

хологической подготовки к контраступлению на СССР, к перехвату исторической инициативы. Квазирыночные реформы в СССР, в реальности ослаблявшие экономику страны, а также работавшая в этом же направлении либерализация режима, включая функционирование либерально-прозападной диссиды, – всё это тоже было в интересах определённых кругов Запада, поскольку ослабляло СССР.

На публикации «Архипелага...» и раздувании фигуры его автора пересеклись интересы определённых кругов западной и советской верхушек: первая использовала вторую – и наоборот, вместе они использовали Солженицына, а он – в меру сил и возможностей – их. Вот такое *ménage à trois*.

Курс либерально-рыночников («глобалистов») в советской верхушке объективно в перспективе вёл к перестройке именно в том виде, в каком она совершилась, и к реставрации пусть криминально-кланово-коррупционного, уродливого, но капитализма. Впрочем, Западу иной капитализм в России не нужен, да и в самой России иным капитализм быть не может. Принципиальную возможность капиталистической реставрации в СССР на основе перерождения партийно-советского аппарата предсказывал ещё Троцкий; эту опасность чётко понимал и Сталин, зафиксировав её в тезисе об обострении классовой борьбы по мере построения социализма.

Отказ во второй половине 1960-х годов брежневского руководства от рывка в посткапитализм (коммунизм офици-

альной советской идеологии, «Мир Полдня» советской фантастики в лице братьев Стругацких) совпал с дальнейшей интеграцией СССР в мировой рынок, т. е. в мировую капиталистическую систему, с рыночными реформами и с либерализацией режима: по сути это были разные стороны одной медали.

Всё вместе это работало на превращение определённых сегментов номенклатуры в класс, причём не «в себе», а «для себя». Но чтобы превращение состоялось, чтобы – *mutabor!* нужно было превратиться в собственников путём кражи у народа социалистической собственности. Для этого нужно было дискредитировать социализм (хаотическими «реформами»), делегитимизировать власть КПСС и интегрироваться в капиталистическую систему, т. е. перестроиться. Иностранный капитал стал и средством, и союзником (подельником) в этом процессе.

А установление союзничества шло по линии контактов определённых сегментов спецслужб, ведь наиболее уязвимый элемент системы – подсистема, обеспечивающая безопасность системы. Так совноменклатура постепенно превращалась де-факто в передаточный механизм эксплуатации населения мировым капиталом. Ельцинщина превратила «де-факто» в «де-юре», но именно горбачёвщина создала для этого необходимые условия. В результате в кануны столетия русских революций 1905 и 1917 гг. РФ превратилась в реинкарнацию того, чьим отрицанием был СССР, – зависимой от иностранного капитала квазикапиталистической

...В 1993 г. Солженицын вернулся в Россию, проехав её с востока на запад. Триумфального шествия не получилось. Как не получилось и стать духовным лидером нации. Передача на ТВ не пошла, и её довольно быстро закрыли. Вместо учительного старца вышел занудно-поучающий дед. Правда, «старца» посещали главы государства, по-видимому, полагая, что приобщаются к культуре. Или к тому, что им представляется культурой. И, конечно, на фоне грустном, если не сказать гнусном, басковых и киркоровых, шнуровых и Comedy Club, собчак и бузовых Солженицын – без всякой иронии – культура.

Смерть Солженицына прошла не то что незамеченной, но, как сказали бы французы, «sans beaucoup d'af chage» (смысл: не стала большим представлением). Это было вынуждено признать даже антисоветское «Эхо Москвы»: А. Голубев отметил, что «народу в Академии наук (*там был выставлен гроб с телом покойного. – А.Ф.*) было совсем немного, жиденькая очередь да репортёры». И, хотя Кремль, как и Белый дом, выразил слова скорби и соболезнования, если брать не только власть, но и, так сказать, «широкую общественность», то Запад откликнулся на почти забытого там Солженицына, пожалуй, активнее, чем РФ. Так и должно быть: для них он

не литературный власовец, а ветеран Холодной войны, сражавшийся на их стороне, за что и получил – в разной форме – «корзины печенья да банки варенья».

9

Остаётся ещё один вопрос: почему существующий в РФ режим (в политологическом смысле этого слова), определённая часть правящего слоя, т. е. власти настолько празднует Солженицына, что аж на памятник сподвигнулась ему тогда, когда многим действительно великим русским людям мирового масштаба, – например, композитору Георгию Васильевичу Свиридову, – не только памятника в Москве не поставили, но памятную доску с грехом пополам после многих мытарств открыли.

Почему различные сегменты режима прощают Солженицыну покушение на их «священных коров», делают вид, что не заметили его инвективы? Так, непосредственно властный сегмент «не заметил» назойливого (для него) повторения Солженицыным тезиса о необходимости сбережения народа, – ведь в реальности происходит нечто иное как в материально-физическом, так и в духовном, метафизическом плане. Либерально-еврейский привластный сегмент словно забыл то, что Солженицын написал о евреях в раскритикованной в своё время представителями этого сегмента книги «200 лет вместе». Официальная («никонианская») право-

славная церковь вряд ли довольна тем, что Солженицын писал о староверах. Однако в своём праздновании Солженицына «трёхглавая» власть словно не замечает указанных его позиций.

Почему? Что перевешивает их в её глазах?

Самый простой, лежащий на поверхности, ответ таков: бедной в культурном отношении РФ нужна своя классика, и неважно, что практически всё написанное Солженицыным написано до возникновения РФ. Типа того: в Российской империи были многотомные Толстой и Достоевский, а в РФ – многотомный Солженицын. Попытка понятная, но с негодными средствами. И дело не в том, что Толстой и Достоевский не были графоманами, не в недостатке таланта несостоявшегося по глупости властей советского писателя-соцреалиста с мертвенно тяжёлым искусственным языком, автора производственных романов и повестей вроде «Одного дня...» Главное в другом: предатели не выходят в Толстые и Достоевские. Толстой и Достоевский, при всей тяжести и сложности их характеров и судеб, не работали против своей страны, против Родины.

В отличие от россыпи литературных талантов, порождённых советским строем и творивших в советскую эпоху, РФ за 27 лет своего существования не вырастила ни одного крупного, масштабного писателя. Её литературное лицо – это бездарные ПИПы («персональные издательские проекты», как называл их Ю. Поляков, но никак не писатели), бенефициа-

ры «букеров» (М. Розанова назвала их «заебукерами»). На таком безрыбье требуется более или менее крупный «рак», которым можно заткнуть дыру, представив в виде «рыбы»; требуется более или менее крупный карлик-лилипут, которого, поставив на котурны, можно предъявить в качестве пусть малюсенького, но гиганта-гулливера, «Куинбуса Флестрина» (по-лилипутски – «Человека-Горы»), понимаешь. Псевдоклассик Солженицын с его многотомной графоманией – единственный (для данной власти) кандидат на эту роль. И в этом плане – это литературный приговор постсоветской эпохе.

Во-вторых, Солженицын – ярый антисоветчик. Его антисоветизм в значительной степени носит личный характер, а потому особенно яростен. Оголтелый, чернушный антисоветизм был по сути официальной «идеологией» ельцинского режима; в смягчённом, смикшированном, «долевом» – light— виде он сохраняется и сейчас, проявляясь в фильмах, книгах, высказываниях тех или иных деятелей, короче говоря, являясь элементом идентичности значительной части постсоветских господствующих групп: Солженицын в этом плане – более, чем ко двору.

Два десятка лет назад кто-то метко заметил: часть постсоветской верхушки полагает, что она вместе с Западом победила Советский Союз, советский народ в Холодной войне. Солженицын, безусловно, унтер-офицер этой войны со стороны Запада. Выходит, собрат по оружию? И, если се-

годня ставят памятники литературному власовцу, то завтра могут поставить памятник Власову – ведь попытались повесить памятную доску союзнику Гитлера Маннергейму в Питере. Призывы к реабилитации Власова (Александров, Быков, другие «спящие») раздаются постоянно. Да, пока это делают отмороженные либерасты, но мы помним, с чего начиналась перестройка и знаем, что такое «окна Овертона». Правы те, кто подчёркивает тот факт, что Солженицын внёс большой вклад в воспитание «пятой колонны» – она особенно чтит «воспитателя».

Наконец, в-третьих, и в-последних по счёту, но не по значению. Идеал Солженицына – дореволюционная, поздне-самодержавная Россия, т. е., если называть вещи своими именами, эксплуататорская, с бьющим в глаза социальным неравенством, полукапиталистическая-полупомещичья страна с засильем иностранного капитала, который эта страна в значительной степени обслуживает и в союзе с которым местные господа обирали свой народ. Идеал Солженицына коррелирует с теми представлениями о дореволюционной России как о социальном идеале, которые характерны для определённой части правящего слоя РФ; далеко не последние представители этого слоя говорят и об этом, и о «новом дворянстве». Ещё шаг, и заговорят о «новых крепостных»? И тогда уже никто не посмеет спросить, например, часики – почём? И откуда, болезный, взялись «пенёнзы» на такие «котлы»?

В идейно-политическом плане Солженицын был сторонником православно-монархической модели. Здесь он тоже близок какой-то части правящего слоя, пытающейся разыграть эту карту, – и понятно, почему пытающейся: кому-то реставрация монархии кажется наилучшим способом сохранить «нажитое непосильным трудом» в условиях очевидно надвигающегося двойного кризиса – в стране и в мире. Однако даже то, что Солженицын обрисовал в «Красном колесе», подсказывает: эта схема не сработает, поскольку в русской истории монархия и церковь скомпрометировали себя в феврале – марте 1917 г. Всё, что позже, это – нарисованное на холсте или, если угодно, «это, рыжий, всё на публику». Пришествие клонов.

Проблема, однако, в том, что клоны долго не живут. Клоны паразитарны по своей природе, и, как только они высосут «базу», умрут вместе с ней. К тем, кто хочет, чтобы было, как до 1917 г., обязательно придёт 1917-й, причём не обязательно в том виде, в одеждах того цвета и под теми знамёнами, что сотню лет назад: История – дама коварная и не прочь поучить нерадивых учеников.

Законы истории неумолимы. Непонимание этого – ещё одна черта, которая роднит Солженицына со значительной частью постсоветских верхов. В этом (но только в этом) плане памятник этому ветерану Холодной войны в центре Москвы, действовавшему на стороне Запада, – такая ли уж случайность? А как же Бессмертный полк? Ведь власовщина

(в любой форме) и Бессмертный полк несовместимы.

Post Scriptum

В первых строках своей книги А. В. Островский приводит историю о том, как в 1936 г. 18-летний Солженицын пришёл в учебную студию Юрия Завадского в Ростовском драматическом театре – он хотел стать актёром. По причине слабого голоса не взяли. Однако «по жизни» Солженицын стал-таки актёром – и ещё каким.

Он играл всю жизнь – с властями, с обществом, с близкими. Пытался сыграть роль большого русского писателя, властителя дум, Учителя. Но – по делам их узнаете их – именно своими делами Солженицын отвергал и опровергал большое русское писательство как явление; в его делах было намного больше «казаться», чем «быть», намного больше «жизни мышью беготни», суеты по поводу я-карьеры, я-образа, а искусство не терпит суеты.

И, чем больше пытался Солженицын косить под большого русского писателя, суетясь с саморекламой, тем яснее становилась суть, тем яснее становилась тщета попыток: «маленький бес под кобылу подлез». Груз великой русской литературы оказался не по силам тому, кого В. Шаламов назвал дельцом и орудием Холодной войны.

Большие писатели не бывают ни дельцами, ни орудиями, ни объектами. Они – творцы и субъекты.

Играя, Солженицын жил в прямую противоположность тому, к чему призывал. А призывал он жить не по лжи. И всю жизнь лгал, создавая один миф за другим – о России, об СССР и, конечно, о себе любимом. Эти мифы и развенчивает книга А. В. Островского. Так История расставляет всё и всех по своим местам.

Вместо предисловия

Давайте разберемся

Все тайное рано или поздно становится явным.
Библейское изречение

*Самый страшный черт – который молится
богу.*
Польская пословица

Летом 1936 г. в учебную студию Юрия Александровича Завадского при Ростовском драматическом театре пришел молодой человек, который хотел стать актером. Его забраковали, найдя, что у него слишком слабый голос (1).

Прошло время, и голос этого несостоявшегося актера загремел на всю страну. Его смогли услышать в самых отдаленных уголках планеты. Это был голос Александра Исаевича Солженицына.

Мне, как и многим другим, его фамилия стала известна в начале 1960-х, когда в печати появилась его повесть «Один день Ивана Денисовича». А затем мы жадно вслушивались в зарубежные радиоголоса, ловя строки знаменитого «Письма к съезду писателей», статьи – манифеста «Жить не по лжи», «Архипелага ГУЛАГ» и других его произведений, которые долгое время были нам недоступны.

Не все разделял я во взглядах их автора.

Но и для меня, и для многих моих современников голос А. И. Солженицына долгое время звучал как голос правды, а сам он представал в образе бесстрашного, бескомпромиссного ратоборца, отважившегося вступить в открытое сражение с той тоталитарной системой, покорными или непокорными, всё равно винтиками которой мы были.

И вот рухнули запреты.

Книги А. И. Солженицына стали доступны каждому. Помню, с каким трепетом я открывал приобретенное в одном из книжных развалов «Малое собрание» его сочинений в семи томах (2). И не могу забыть того разочарования, с которым закрывал этот семитомник.

Дело было не в литературных достоинствах тех произведений, с большинством из которых я познакомился впервые. С их страниц со мною говорил совсем не тот человек, каким до этого я представлял их автора.

Возникло желание разобраться.

Так появилась эта книга.

Главная ее цель не в том, чтобы дать еще одно жизнеописание А. И. Солженицына. Ему посвящена огромная литература как в нашей стране (3), так и за рубежом (4). Достаточно указать на изданную в 1984 г. книгу Майкла Скэммела, равной которой по фактическому материалу пока нет (5).

Подавляющее большинство биографических публикаций о А. И. Солженицыне написаны в жанре жития святых. Меж-

ду тем такое представление о нем все более и более вступает в противоречие с мемуарами его современников, из числа которых можно назвать В. Е. Аллоя, Н. Бетелла, В. Н. Войновича, И. И. Зильберберга, О. В. Карлайл, А. И. Кондратовича, Л. З. Копелева, В. Я. Лакшина, В. Е. Максимова, М. В. Розанову, А. Д. Сахарова, В. Т. Шаламова и других.

Прочитайте – только внимательно – собственные воспоминания писателя «Бодался теленок с дубом» (далее – «Теленок») (6) и «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (далее – «Зернышко») (7). Вдумайтесь в мемуарные свидетельства, рассыпанные по «Архипелагу ГУЛАГ» (8), принизывающие автобиографическую поэму «Дороженька» (9), мелькающие в интервью и других публичных выступлениях А. И. Солженицына (10), и вы сами увидите расхождение между сложившимся его образом и действительностью.

Об этом же свидетельствуют и мемуары его первой жены Натальи Алексеевны Решетовской (11): и опубликованные ею воспоминания (12), и остающийся пока неопубликованным дневник (13).

Очень многое могли бы рассказать нам дать архивы (14), а также архивы государственных учреждений, в первую очередь спецслужб – как советских, так и зарубежных. Но они, к сожалению, пока остаются для исследователей почти недоступными. Тем ценнее для нас первые документальные публикации (15), важнейшей из которых на сегодняшний день

является сборник документов «Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне» (М., 1994).

Опираясь на эти и некоторые другие источники, попробуем проследить жизненный путь писателя и посмотреть, насколько сложившиеся представления о нем как о праведнике, пророке, отважном и бескомпромиссном борце с советской системой соответствуют действительности.

Часть первая

В поисках роли(1918–1962)

Глава 1

«Первый ученик»

Корни

Александр Исаевич Солженицын родился 11 декабря 1918 г. в третьем часу пополуночи в городе Кисловодске (1).

Через полвека, 5 июля 1967 г., Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР (далее – КГБ) направил в ЦК КПСС документ под названием «Справка в отношении Солженицына А. И.».

В ней говорилось: «Как видно из материалов, Солженицын в своих автобиографических данных по существу ничего не сообщает о своих родителях, не указывая даже их фамилий, имени и отчества. С целью получения более полных сведений проводилась проверка по месту рождения Солженицына и местам его жительства, учебы и работы, просматривались учетные, архивные и другие официальные документы.

Из личного дела, которое хранится в Ростовском университете, усматривается, что до войны Солженицын проживал со своей матерью... В автобиографии, находящейся в личном деле члена Союза писателей, он указывает, что родился в семье служащих, мать работала машинисткой-стенографисткой, а отца потерял до своего рождения.

Архивные материалы за 1918 г. в гор. Кисловодске не сохранились, поэтому получить сведения о родителях по месту рождения Солженицына не представилось возможным.

В материалах архивного следственного и оперативно-го дела на Солженицына в архивах Министерства обороны СССР данных о родителях Солженицына не содержится» (2).

Поразительно: располагая разветвленным аппаратом, имея возможность навести самые сложные архивные справки и опросить любых лиц, имевших на этот счет информацию, КГБ, если верить приведенному документу, не смог до 1967 г. получить необходимые сведения о родителях А. И. Солженицына.

Прошло четыре года. И частично то, что «оказалось» не по силам КГБ, сумел сделать немецкий журналист Дитер Штейнер. Отправившись на родину писателя в Ставропольский край, он посетил город Георгиевск и там взял интервью у Ирины Ивановны Щербак, муж которой Роман Захарович был дядей А. И. Солженицына по матери. Так в 1971 г. на страницах журнала «Штерн» появились первые сведения о

предках писателя (3). 30 марта 1972 г. в интервью газетам «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» Александр Исаевич внес в эту публикацию некоторые дополнения и коррективы (4), а летом 1977 г. поделился имевшимися у него на этот счет данными со своим биографом Майклом Скэммелом (5).

Вот, что рассказывает писатель о своих предках:

«Деды мои были не казаки, и тот и другой – мужики. Совершенно случайно мужицкий род Солженицыных зафиксирован даже документами 1698 года, когда предок мой Филипп пострадал от гнева Петра I... А прапрадеда за бунт сослали из Воронежской губернии на землю Кавказского войска» (6).

Сообщая эти сведения, Александр Исаевич ненавязчиво проводит мысль, что корни его социального бунта уходят в XVII–XVIII вв.

Поселившись «на земле Кавказского войска», Солженицыны осели в станице Саблинская (в просторечии – Сабля), которая находится недалеко от города Георгиевска⁷ (7). До революции она входила в состав Александровского уезда Ставропольской губернии и являлась центром волости. В 1913 г. в станице проживало четыре с половиной тысячи человек (8).

⁷ В одном из дореволюционных изданий о Георгиевске сказано – «малолюдное еврейское поселение», окруженное «немецкими колониями» (Кавказ: Справочная книга, составленная старожилом. Вып.1. Тифлис, 1887. С. 34).

Прапрадеда – бунтаря звали Семен, его сына – Ефим, внука – тоже Семен. Семен Ефимович был женат дважды. От первой жены Пелагеи Панкратовны имел трех сыновей (Константина, Василия, Исакия) и двух дочерей (Евдокию и Анастасию), от второй жены Марфы – сына Илью и дочь Марию. Евдокия и Анастасия вышли замуж и уехали, одна в станицу Курсавка, другая – в станицу Нагутская (родина Ю. В. Андропова) (9).

С легкой руки Дитера Штейнера получила распространение версия, что Семен Ефимович разбогател и стал помещиком (10).

Возражая против этого, А. И. Солженицын в названном интервью 1972 г. заявил: «Кроме нескольких всем известных казачьих генералов, никаких помещиков, то есть дворян-землевладельцев, потомков древней знати, получившей землю за военную службу, на Северном Кавказе вообще никогда не бывало... Были Солженицыны обыкновенные ставропольские крестьяне: в Ставрополе до революции несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец никак не считались богатством. Большая семья и работали все своими руками. И на хуторе стояла простая глинобитная землянка, помню ее» (11).

Частное землевладение в Ставропольской губернии начала XX в. все-таки существовало, но обнаружить Солженицыных среди помещиков Саблинской волости не удалось (12). Несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести

овец до революции даже на Ставрополье имели лишь очень богатые крестьяне. Что же касается «глинобитной землянки», то, по утверждению журналиста Б. Волкова, который в данном случае опирался на свидетельство директора Саблинской школы Геннадия Николаевича Смородина, она сохранилась, сейчас это – «запущенная старинная рыжего кирпича двухэтажная постройка с высокими некогда изящными окнами» (13).

Младший сын Семена Ефимовича от первого брака Исакий родился 6 (18) июня 1891 г. Закончив Пятигорскую гимназию, поступил в Харьковский университет, в 1912 г. перевелся в Московский (14). По утверждению А. И. Солженицына, по своим убеждениям Исакий Семенович был «народником и толстовцем» (15). Когда началась Первая мировая война, он ушел в армию. По окончании офицерских курсов стал артиллеристом, весной 1917 г. получил возможность приехать с фронта в Москву и здесь познакомился с Таисией Захаровной Щербак (16).

Отец Таисии Захаровны родился в 1853 г. в Таврии, около 1870 г. переселился на Ставрополье и обосновался недалеко от Армавира (17). Его семью Дитер Штейнер характеризовал как семью миллионера (18). Находясь в СССР, А. И. Солженицын оспаривал это (19), а в 1979 г., будучи уже за границей, стал утверждать, что Захар Щербак арендовал 2000 десятин и имел 20 тысяч голов овец (20). Если здесь нет опечатки, для крестьянина явно многовато.

У Захара и его жены Евдокии было трое детей: сын – Роман и две дочери – Таисия и Мария. Таисия училась сначала в Пятигорске, затем в Ростове-на-Дону в гимназии А. Ф. Андреевой, по окончании которой поступила в Москву на Голицынские сельскохозяйственные курсы, но завершить образование не успела, началась революция (21). В августе 1917 г. посетила Исакия Семеновича в Белоруссии, где они и поженились, после чего Таисия Захаровна вернулась в Москву, а когда к власти пришли большевики, уехала в Кисловодск. Здесь жили ее родители, брат Роман с женой Ириной Ивановной и сестра Мария, бывшая замужем сначала за Афанасием Карпушиным, потом – за Федором Гариным (22).

По свидетельству А. И. Солженицына, «уже весь фронт почти разбежался», а батарея его отца, продолжала удерживать свои позиции и «стояла на передовой до самого Брестского мира» (23). Мирный договор в Бресте был подписан 3 марта 1918 г., ратифицирован в ночь с 15-го на 16-е (24). Это значит, что Исакий Семенович вернулся домой не ранее второй половины марта. Заехав в Кисловодск, он забрал с собою жену и вместе с нею появился в родной Сабле (25), а 8 июня при до сих пор не выясненных обстоятельствах был смертельно ранен, по одной версии, случайно, на охоте (26), по другой, пытаясь покончить жизнь самоубийством (27). Обе версии исходят от его родственников (28).

Можно понять, почему раненный Исакий Семенович оказался в больнице города Георгиевска, где 15 июня умер.

Непонятно, почему его похоронили на следующий же день, причем в Георгиевске, а не в станице Саблинской? (29) Обращает на себя внимание и то, что после этого Таисия Захаровна вернулась к родителям в Кисловодск и в дальнейшем отношений с родственниками мужа не поддерживала.

В годы Гражданской войны род Солженицыных понес еще несколько потерь: в 1919 г. то ли умер, то ли пропал без вести Семен Ефимович. В том же году не стало Анастасии Семеновны, тогда же скончался Василий Семенович, а вскоре ушла из жизни его жена (30).

Своего сына Таисия Захаровна назвала Александром. Его крестной матерью стала Мария Васильевна Кремер. Кто был крестным отцом, неизвестно (31).

А. И. Солженицын утверждает, что помнит себя примерно с трех-четырёх лет, т. е. с 1921–1923 гг.: «Я в церкви. Много народа, свечи. Я с матерью. А потом что-то произошло. Служба вдруг обрывается. Я хочу увидеть, в чем дело. Мать меня поднимает на вытянутые руки, и я возвышаюсь над толпой. И вижу, как проходят серединой церкви отмеченные остроконечными шапками кавалерии Буденного, одного из отборных отрядов революционной армии, но такие шишаки носили и чекисты. Это было – отнятие церковных ценностей в пользу советской власти» (32).

Эпизод явно символический. Из него явствует, что будущий пророк и праведник начал осознавать себя человеком не где-нибудь, а в божьем храме! И мир, который впервые

запечатлелся в его памяти, он увидел как ангел, вознесенный матерью над толпой. Этот мир сразу же предстал перед ним разделенным на своих и чужих, на людей, имеющих идеалы, тянущихся к богу, и грабителей – безбожников, облеченных земной властью, посягающих на церковные реликвии.

Что здесь правда, что вымысел, известно только Александру Исаевичу. Но бесспорно: вспоминая или же придумывая этот эпизод, он стремился подчеркнуть, что с самого начала своей жизни был среди верующих и с самого начала стал свидетелем торжества грубой силы, которая не могла не вызвать в его детской душе удивление, возмущение и осуждение.

«Это, – пишет А. И. Солженицын, – мое первое воспоминание, я с ним начал жить» (33).

«Рос я запутанный, трудный, двуправдый»

В 1921 г. после того, как отгремели последние залпы Гражданской войны, Таисия Захаровна отправилась в Ростов-на-Дону (1). По одним данным, она забрала сына с собой в 1922 г. (2), по другим – в 1924 г. (3).

По всей видимости, ближе к истине вторая версия. Как утверждала И. И. Щербак, первоначально Таисия Захаровна уехала в Ростов-на-Дону одна (4). В 1924 г. кисловодский дом, в котором жила семья Щербаков, национализировали, Захар и Евдокия перебрались под Армавир в селение Гуль-

кевичи, семья Гариных – в Георгиевск, Ирина и Роман – в Новочеркасск, Саню отвезли к матери (5).

В упоминавшемся интервью 1972 г. А. И. Солженицын заявил: «Мы жили в Ростове до войны 19 лет (т. е. с 1922 г. – А.О.) – из них 15 не могли получить комнаты от государства, *все время снимали в каких-то гнилых избушках*⁸ у частных за большую плату; а когда и получили *комнату*, то это была часть перестроенной конюшни. Всегда холодно, дуло, топились углем, который доставался трудно, вода приносная издалека; что такое водопровод в квартире, я вообще узнал лишь недавно» (6).

А вот интервью А. И. Солженицына журналу «Ле Пуэн» в декабре 1975 г.:

«Мне было шесть лет. Мы с матерью в Ростове-на-Дону поселились в конце почти безлюдного тупика. Одна сторона его – стена, огромная стена. *И я прожил там десять лет* (то есть до 1934–1935 гг. – А.О.). Каждый день, возвращаясь из школы, я шел вдоль этой стены и проходил мимо длинной очереди женщин, которые ждали на холоде часами. В шесть лет я уже знал. Да все это знали. Это было задняя стена двора ГПУ. Женщины были женами заключенных, они ждали в очереди с передачами» (7).

Н. А. Решетовская, которая познакомилась с А. И. Солженицыным в 1936 г., вспоминала, что в это время Таисия Захаровна и Саня жили *в однокомнатной квартире* «на пер-

⁸ Здесь и далее выделения в тексте, сделаны мною. – А.О.

вом или втором этаже без горячей воды, с печным отоплением, с холодными сенями. В комнате помещались печка, кровать Таисии Захаровны, диван, на котором спал Саня, два стола (кухонный и письменный), зеркало, кажется, платяной шкаф». Ни книжного шкафа, ни стеллажа Наталья Алексеевна не запомнила. В лучшем случае, по ее словам, была книжная полка. Из книг она смогла назвать только произведения Джека Лондона (8).

По одной версии, Таисия Захаровна была машинисткой (9), по другой – стенографисткой (10). Александр Исаевич пишет, что «она была машинисткой и стенографисткой» (11). По всей видимости, отмеченные расхождения связаны с тем, что в разное время его мать занимала разные должности.

Нет единства и в вопросе о том, где она работала. А. И. Солженицын подчеркивает, что за время после окончания Гражданской войны Таисия Захаровна сменила не одно место: несмотря на то, что она «хорошо знала французский и английский», а также «стенографию и машинопись», из-за «соцпроисхождения» ее не только «никогда не принимали» «в учреждения, где хорошо платили», но и неоднократно «подвергали чистке», «увольняли с ограниченными правами на будущее» (12).

По свидетельству И. И. Щербак, перебравшись в Ростов, Таисия Захаровна стала «стенографисткой в ростовской милиции» (13). А. И. Солженицын упоминает в качестве од-

ного из мест работы матери – Мельстрой (14). Ростовский журналист И. Гегузин со слов товарищей Александра Исаевича по университету пишет, что мать писателя была сначала «секретарем-машинисткой» в проектно-институте «Севкавгипросельхоз», затем «стенографисткой в крайисполкоме» (15). В беседе со мной бывший одноклассник А. И. Солженицына Николай Дмитриевич Виткевич заявил, что Таисия Захаровна заведовала стенографическим отделом то ли в крайкоме, то ли в крайисполкоме (16), а Н. А. Решетовская на этот же вопрос ответила, что перед войной ее свекровь трудилась «то ли в крайисполкоме, то ли в облисполкоме» (17).

Из этого вытекает, что, независимо от убеждений, – а по воспоминаниям Таисия Захаровна была верующим человеком (18) – она занимала лояльную позицию по отношению к Советской власти и подобным образом должна была воспитывать сына.

Некоторое влияние на Саню Солженицына могло иметь окружение его матери, но о нем мы знаем пока немного. Можно лишь назвать одну из ее ближайших подруг Женю Андрееву, находившуюся замужем за инженером Владимиром Федоровским (19).

В сентябре 1926 г. Саня сел за парту. Его университеты начались в Покровской школе им. Г. Е. Зиновьева (20). Одним из его первых школьных друзей стал уже упоминавшийся Николай Виткевич, с которым они познакомились во вто-

ром классе и обучались вместе до окончания пятого класса. Н. Виткевич тоже рос без отца. Его мать Антонина Васильевна вышла замуж вторично и уехала с сыном в Дербент (21).

Из жизни своего знаменитого одноклассника 1927–1931 гг. Н. Д. Виткевич в беседе со мной смог вспомнить лишь несколько фактов: Саня был лучшим учеником, в 1930 г. его приняли в пионеры, в четвертом классе (1930–1931 гг.) назначили старостой, (22).

Примерно с девяти лет, т. е. в 1927–1928 гг. у Сани возникло стремление к литературному творчеству, он начал сочинять стихи (23). По свидетельству Н. А. Решетовской, они сохранились и сданы в архив с пометкой «Не для печати» (24). Вспоминая первые литературные опыты своего бывшего друга, Н. Д. Виткевич не без ехидства отмечал: «В четвертом или пятом классе я видел у него тетрадь с надписью “Полное собрание сочинений А. Солженицына. Том первый. Книга первая”» (25)

Если до семи лет Саня находился главным образом под влиянием матери, то затем определенную роль в его воспитании стали играть школа, газеты, книги и радио. Так, рассказывая о детстве героя своей неоконченной военной повести Глеба Нержина, прототипом которого был он сам, А. И. Солженицын пишет, что Глеб, *«еще со школьных лет воспитанный не отделять свою судьбу от судьбы всей страны»*, пристрастился «к чтению газет от пионерского листика “Ленинских внучат” до огромных – не хватало детских рук

держат развернутый лист – “Известий”»... (26).

Первые летние каникулы 1927 и 1928 гг. Саня провел под Армавиром, в Гулькевичах (27), затем ездил в Ейск, на Азовское море, куда в 1927 г. перебралась И. И. Щербак с мужем. «Раза два-три, – вспоминает Александр Исаевич, – мама отправляла меня к ней на летние каникулы» (28). У Ирины Ивановны и Романа Захаровича была хорошая библиотека (29).

Среди тех, с кем А. И. Солженицын учился в старших классах, в его воспоминаниях фигурируют: Николай Виткевич, Лидия Ежерец, Михаил Люксембург, Валерий Никольский, Иосиф Резников, Кирилл Симонян, Дмитрий Штигельман (30). Дружил Саня, или, как его звали товарищи, «Морж», в основном с Виткевичем, Ежерец и Симоняном (31).

Н. Виткевич снова появился в школе в 1934 г. Второй брак его матери оказался неудачным, и она вернулась в Ростов-на-Дону. По свидетельству Николая Дмитриевича, некоторое время Антонина Васильевна работала в Артиллерийском училище, потом – управляющей делами в университете (32). Н. А. Решетовская утверждала, что в университет она перешла из обкома партии (33).

С какого класса А. И. Солженицын учился вместе с Лидой Ежерец, установить пока не удалось. Лида – дочь известного в Ростове-на-Дону врача Александра Михайловича Ежереца, богатая квартира которого часто была местом встречи

друзей (34).

Кирилл Симонян появился в школе в 1930 г. Он происходил из купеческой семьи, которая жила в Нахичевани. В 20-е годы его отец уехал в Иран и не вернулся оттуда, а мать Любовь Григорьевна с детьми перебралась в Ростов-на-Дону. В 1939 г. она умерла, и Кирилл остался с младшей сестрой Надей (35).

Саня учился отлично и был примерным учеником (36). Он увлекался театром, принимал активное участие в школьном драмкружке (37), писал стихи («очень плохие и очень подражательные», как вспоминал потом К. Симонян) (38), по совету учительницы литературы Анастасии Сергеевны Грюнау вместе с Кириллом и Лидой сочинял роман, который они сами называли «романом трех сумасшедших» (39), вместе с Кириллом и Ёськой Резниковым пытался издавать в школе рукописный литературный журнал (40).

Подчеркивая, что Саня Солженицын был необычным учеником, Н. Д. Виткевич и И. Л. Резников, с которыми мне удалось побеседовать, не запомнили какой-либо его дискриминации. Почти на все мои вопросы, касавшиеся их знаменитого одноклассника, они отвечали однообразно и односложно: «Как все» (41). Вместе со всеми он был принят в пионеры, вместе со всеми вступил в комсомол (42).

Однако, оказавшись за границей, сам А. И. Солженицын стал утверждать, что все, о чем шла речь ранее, представляло только внешнюю сторону его тогдашней жизни.

«В детстве, – заявил он в одном из своих интервью, – я был воспитан в религии. Я рос верующим» (43). При этом Александр Исаевич уточнял, что православие было «внушено» ему «в самой простонародной форме», поэтому для его детских настроений была характерна обычная «народная набожность». «Я подчеркиваю, – пишет он, – в моем детстве моя вера была именно в той форме, как верит простой народ» (44).

Отмечая, что он воспринял православие «в самой простонародной форме», Александр Исаевич свидетельствует: «Эта народная набожность подвергалась резкому преследованию в советской школе, подавлялась. Мне очень трудно было устоять против этого давления» (45). И далее: «В юности я испытал *большие преследования* в связи с верой в Бога. Когда мама вела меня в церковь, школьники, которых направляли комсомольцы, следили за нами, а потом устраивали собрания – судилища, меня судили за это» (46).

«В девять лет (1927–1928 гг. – А.О.), – вспоминает А. И. Солженицын, – я шагал в школу, уже зная, что там всегда меня могут ждать допросы и притеснения. И в десять лет (1928–1929 гг. – А.О.), при гоготе, пионеры срывали с моей шеи крестик. И в одиннадцать лет (1929–1930 гг. – А.О.), и *в двенадцать* (1930–1931 гг. – А.О.) меня истязали на собраниях, почему я не поступаю в пионеры. И чекисты на моих глазах уводили дедушку (Щербака) на смерть из нашей перекошенной щелястой хибарки в девять квадратных мет-

ров» (47).

Из последней фразы явствует, что с детских лет Саня Солженицын стал ощущать разлад с действительностью не только в вопросе веры. От взрослых он мог знать, что до революции оба его дедушки были богатыми людьми. Во всяком случае, на его глазах в 1924 г. советская власть конфисковала их дом в Кисловодске. «В шесть лет, – пишет он, – я уже твердо знал, что и дедушка, и вся семья – преследуется, переезжает с места на место, скрывается, еженощно ждет обыска и ареста» (48).

Отсюда, если верить Александру Исаевичу, у него очень рано возник интерес к политике. «*Я интересовался политикой остро – с десятилетнего возраста*, я сопляком уже не верил Крыленко и поражался надстроенности знаменитых судебных процессов – но ничто не наталкивало меня продолжить, связать те крохотные московские процессы (они казались грандиозными) – с качением огромного давящего колеса по стране (число его жертв было как-то незаметно). Я детство провел в очередях – за хлебом, за молоком, за крупой (мяса мы тогда не ведали), но не мог связать, что отсутствие хлеба значит разорение деревни и почему оно. Ведь для нас была другая формула: “временные трудности”» (49).

А вот что мы читаем в «Архипелаге» об отношении А. И. Солженицына к процессам «Промпартии» и «Союзного бюро меньшевиков»:

«Мне было двенадцать (1930–1931 гг. – А.О.), *уже тре-*

тний год я внимательно вычитывал всю политику из больших “Известий”. От строки до строки я прочел и стенограммы этих двух процессов. Уже в «Промпартии» отчетливо ощущалась детскому сердцу избыточность, ложь, подстройка, но там была хоть грандиозность декораций – всеобщая интервенция! паралич всей промышленности! распределение министерских портфелей! В процессе же меньшевиков все те же были вывешены декорации, но поблекшие, а актеры артикулировали вяло, и был спектакль скучен до зевоты, унылое бездарное повторение» (50).

В 1930 г. началась сплошная коллективизация, которая затронула и родственников Сани Солженицына. Был раскулачен и выслан за Урал брат его отца Константин Семенович, такая же участь постигла семью Ильи Семеновича (51). Обо всем этом Саня мог узнать летом 1930 г., когда вместе с матерью побывал в Георгиевске и посетил Саблю (52). Вскоре после описанных событий в феврале 1931 г. умерла мать Таисии Захаровны Евдокия (53), в 1932 г. не стало ее отца (54).

Таким образом, происходившие в стране перемены вырывались и в жизнь А. И. Солженицына. Как же он реагировал на них?

По свидетельству Александра Исаевича, воспитанный в детстве верующим и критически относящимся к советской деятельности, он затем под влиянием официальной идеологии вместе со всеми увлекся марксизмом и, лишь пройдя войну и лагеря, вернулся к религии, стал непримиримым

противником советской власти (55).

Когда же «общий поток» оторвал Саню Солженицына от «корней»?

Из автобиографической поэмы «Дороженька», которая была начата в 1947–1948 гг., явствует, что Саня был «заражен» новой идеологией уже в одиннадцать лет, т. е. в 1929–1930 гг. (56), и, видимо, именно тогда его захватили «пионерские грезы о будущем святом Равенстве!» (57).

Позднее, 5 марта 1975 г. в телеинтервью японской компании Net-Tokyo Александр Исаевич заявил: «Я рос верующим. И только в 30-е годы попал в это ужасное время, когда у нас был общий поток марксизма, всех захватывающий как ветер, как сильный ураган. Вся молодежь шла в комсомол, вся молодежь верила в Маркса и Ленина, и действительно, я не устоял, не удержался на ногах в этом потоке. *Так было десятилетие перед войной*» (58).

Если исходить из приведенных слов, получается, что «общий поток марксизма» захватил А. И. Солженицына не ранее 1931 г., когда он учился в пятом или шестом классе и ему было двенадцать – тринадцать лет.

11 мая 1983 г. на пресс-конференции в Лондоне писатель считал возможным отодвинуть свое превращение из верующего в атеиста еще дальше. «Я, – сказал он, – жил примерно *до пятнадцати* лет (т. е. до 1933–1934 гг. – А.О.) *убежденным православным и полным врагом атеизма и коммунизма*. Но затем, в ходе образования в советской школе,

главным образом под влиянием философских трудов, которые нам давали, я испытал постепенное охлаждение к церкви. *Храмы были закрыты, и казалось – навсегда*. И было *несколько студенческих лет*, когда я считал себя марксистом» (59).

9 октября 1987 г. Александр Исаевич дал интервью корреспонденту журнала «Шпигель» Рудольфу Аугштайну и на его вопрос «до какого момента своей жизни вы считали себя, – конечно, не коммунистом, – а хорошим советским человеком?» ответил: «...Примерно *до 17-летнего возраста* я считал себя совершенно противоположным этому строю, этому государству» (60).

Семнадцать лет Сане исполнилось 11 декабря 1935 г. Следовательно, до последнего класса он «считал себя совершенно противоположным» советскому строю и «увлекся» марксизмом только в университете.

Эта же мысль прозвучала 23 мая 1989 г. в его интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм»: «Воспитан я был в семье своими старшими в христианском духе. И почти все школьные годы, так *лет до шестнадцати-семнадцати*, я сопротивлялся советскому воспитанию и не принимал его внутренне. И должен был скрывать свои убеждения. Но потом... лет с *семнадцати – восемнадцати* я действительно повернулся, внутренне, и стал, только с этого времени, марксистом, ленинистом» (61).

Итак, мы видим, что в разное время Александр Исаевич

по-разному датировал свое превращение в «марксиста-лениниста». Разброс датировок от 1929–1930 гг. (одиннадцать лет) до 1936–1937 гг. (восемнадцать лет). Чем дальше он находился вдали от Родины, тем более стремился подчеркнуть кратковременность своих марксистских, атеистических «заблуждений».

Вопрос о времени превращения А. И. Солженицына из верующего в атеиста не праздный. От этого зависит оценка его и как пионера (с 1930 г.), и как комсомольца (с 1935–1936 гг.). Одно дело, если к концу 20-х годов он уже пережил идейный перелом. Тогда его вступление в пионеры и в комсомол можно рассматривать как логическое следствие идейной эволюции. Другое дело, если к этому времени он продолжал еще исповедовать прежние взгляды. В таком случае перед нами факт приспособленчества.

Когда же Александр Исаевич кривил душой? В детстве, надевая на себя пионерский галстук? В юности, вместе со всеми присягая на верность заветам Ильича? Или же много позднее, призывая других «жить не по лжи» и одновременно в угоду западному читателю искажая свое прошлое?

Ответ на эти вопросы, по всей видимости, дает поэма «Дороженька», в которой мы можем прочесть следующие строки:

«Лозунги, песни, салюты не меркли:

“Красный Кантон!.. Всеобщая в Англии!”.

Тетя водила тогда меня в церковь

И толковала Евангелие.

“В бой за всемирный Октябрь!” – в восторге

Мы у костров пионерских кричали...

В землю зарыт офицерский Георгий —

Папин, и Анна с мечами.

Жарко-костровый, бледно-лампадный

Рос я *запутанный*, трудный, *двуправдый*» (62).

Сталинский стипендиат

В 1936 г. А. И. Солженицын с отличием закончил школу и перед ним встал вопрос: кем быть?

Можно было ожидать, что будущий писатель изберет филологическую специальность, что, кстати, сделала Лида Ежрец, которая стала студенткой филологического факультета ростовского пединститута (1). Однако Саня подал заявление в ростовский университет на физико-математический факультет (2). Николай Виткевич и Кирилл Симонян тоже пошли в университет, но на химический факультет (3). Правда, Кирилл быстро разочаровался в выборе профессии и перешел в медицинский институт (4).

На химфаке Николай и Кирилл познакомились с однокурсницей Натальей Решетовской и через некоторое время представили ей своего друга (5). 7 ноября 1936 г. на вечеринке Саня начал ухаживать за Натальей, прошло еще немного

времени, и она стала его невестой (6).

Дед Натальи по отцу Николай Михайлович Решетовский был юристом (7). Потомственный дворянин, он родился не позднее 1844 г., службу начал в 1868 г. (8), 1 января 1902 г. получил чин действительного статского советника, имел медали и ордена, революцию встретил в должности члена Новочеркасской судебной палаты (9), у него было три сына (Алексей, Иван, Сергей) и три дочери (Александра, Мария и Нина), оставшиеся незамужними (10). По данным КГБ, отец Н. Решетовской Алексей Николаевич родился в 1888 г. и «до революции занимался литературным трудом», затем служил «казачьим сотником» и «погиб во время Гражданской войны при обстоятельствах», которые его дочь «скрывала» (11). По другим сведениям, пропал без вести в ноябре 1919 г. (12).

Дед Натальи по матери Константин Туркин был казаком. Женившись на польке, он имел сына Валентина и трех дочерей, одна из которых, Мария (1890), по профессии учительница, стала женой А. Н. Решетовского. Потеряв мужа, Мария Константиновна перебралась с дочерью на руках в Ростов-на-Дону (13).

Летом 1937 г., когда за спиной Александра Солженицына остался первый курс, студенческий профком университета организовал велосипедный пробег по Кавказу. Мы, вспоминал Н. Д. Виткевич, «загорелись мыслью проехать по местам революционной деятельности товарища Сталина. Подобрали группу и покатали на велосипедах в Грузию. Приезжаем

в Тбилиси, что за оказия: закрыт музей “гениального продолжателя”. Потолкались немного, посоветовались, и Сашка Брень (был такой пробивной хлопец в группе) предложил пойти за разрешением в ЦК. А секретарем был Берия. Лаврентий Павлович разрешил нам осмотреть музей, запретив что-либо фотографировать и записывать» (14).

В этом пробеге принимал участие и Саня. По возвращении он написал выдержанный в духе того времени очерк о своих впечатлениях, который увидел свет на страницах факультетской стенной газеты и которым, как отмечал Н. Д. Виткевич, потом козыряло факультетское начальство (15).

Пребывание А. И. Солженицына в университете совпало с известными открытыми процессами над «сторонниками Троцкого»: 19–24 августа 1936 г. по делу о троцкистско-зиновьевском террористическом центре (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др.) (16), 23–30 января 1937 г. – по делу об антисоветском троцкистском центре (Л. Г. Пятаков, К. Радек и др.) (17), 2–13 марта 1938 г. – по делу об антисоветском правотроцкистском центре (Н. И. Бухарин, Н. Н. Крестинский и др.) (18). Репрессии затронули и Ростовский университет (19).

Судебные процессы сопровождались собраниями, на которых принимались резолюции с одобрением выносимых приговоров (20). Если школьник Солженицын уже в двенадцать лет ощущал «избыточность, ложь, подстройку» в ма-

териалах процесса по делу Промпартии, если уже тогда он рассматривал процесс по делу меньшевиков как «унылое бездарное повторение», мог ли он с доверием относиться к публиковавшимся материалам открытых судебных процессов 1936, 1937, 1938 гг.? Однако, если А. И. Солженицын и испытывал на этот счет какие-то сомнения, он их не показывал и, по свидетельству его однокурсника Э. Мазина, вел себя как «верный ленинец» (21).

По окончании второго курса, 2 июля 1938 г., «верный ленинец» признался Наталье Решетовской в любви (22), после чего вместе с Н. Виткевичем снова отправился в велопоход, на этот раз на Украину по местам славы Гражданской войны (23).

Когда после летних каникул А. И. Солженицын вернулся в университет, в его жизни произошло событие, о котором он поведал со страниц «Архипелага».

«Я, – пишет он, – вспоминаю третий курс университета, осень 1938 года. Нас, мальчиков-комсомольцев, вызывают в райком комсомола *раз и второй раз и, почти не спрашивая* о согласии, суют нам заполнять анкеты: дескать, довольно с вас физматов, химфаков, Родине нужней, чтобы шли вы в училище НКВД... Годом раньше тот же райком вербовал нас в авиационные училища. И мы тоже отбивались (жалко было университет бросать), но не так стойко, как сейчас» (24). «Все же кое-кто из нас завербовался тогда. Думаю, что если б очень крепко нажали – сломали б нас... всех» (25).

И в первом, и во втором случае речь шла о направлении в училища по путевкам комсомола. Поэтому в райком приглашали только тех, кто заслуживал доверия. Это значит, что в глазах райкома А. И. Солженицын выглядел достойным служить в органах НКВД.

Но дело не только в этом. Даже самый наивный читатель понимает, что между «вербовкой» в авиационное училище и училище НКВД – огромная разница. В авиационные училища двери были открыты для всех, в училища НКВД – для самых надежных. А поскольку тогда существовала тотальная система контроля над обществом, и у каждого учебного заведения был свой куратор из органов государственной безопасности, можно не сомневаться, что, прежде чем вызвать А. И. Солженицына для собеседования, райком комсомола согласовал с ним список рекомендуемых.

Приравнивая «вербовку» в училище НКВД к вербовке в авиационное училище и придавая первой массовый характер, Александр Исаевич явно лукавил.

Когда я попросил Н. Д. Виткевича рассказать, как в это училище вербовали его, он возмутился и заявил, что его туда никто не приглашал. Более того, он сказал, что вообще не помнит подобного эпизода в университете, а о вербовке своего друга узнал только из «Архипелага» (26). Только из «Архипелага» об этом узнала и Н. А. Решетовская (27).

Получается, что А. И. Солженицына вербовали тайно, и он скрыл данный факт как от ближайшего друга, так и от

невесты. Это уже похоже на правду. Но тогда рассказанная им история приобретает совершенно иной характер, и совершенно иной характер приобретает его «исповедь». Это уже не откровения, а попытка придать серьезному эпизоду несерьезный характер.

В связи с вербовкой в училище НКВД А. И. Солженицын посетил райком как минимум дважды («раз и второй раз»). Может быть, его уговаривали, а он «отбивался»? Нет, оказывается в райкоме *«почти не спрашивая о согласии»*, ему и его товарищам было предложено *«заполнять анкеты»*. «Почти не спрашивая» означает одно, – следовательно, все-таки спрашивали и только потом предлагали анкеты. Из этого явствует, что Александр Исаевич изъявил готовность надеть на плечи военную форму с краповыми петлицами и, если вторичного посещения райкома и заполнения анкеты перед ним не открылись двери училища НКВД, то причина этого заключалась не в его нежелании, а в чем-то другом.

Как прошел третий курс, мы не знаем.

Летом 1939 г. А. И. Солженицын, Н. Д. Виткевич и К. С. Симонян как отличники без экзаменов поступили на заочное отделение Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Факт сам по себе редкий. И не только потому, что даже сейчас не часто можно встретить человека, который одновременно учится в двух вузах, но и потому, что для заочного обучения требуются документы с места работы (28).

После первой, установочной сессии Александр Солженицын и Николай Виткевич отправились в новое путешествие, на этот раз по Волге – теперь на родину В. И. Ленина в Ульяновск (29). Кроме обычного отчета о путешествии, в факультетской стенной газете, появилось солженицынское стихотворение «Ульяновск» (30).

В конце четвертого курса, 27 апреля 1940 г., никому не сказав об этом, Александр и Наталья официально вступили в брак (31). «Через несколько дней» после этого Н. А. Решетовская «уехала в Москву на производственную практику». «Там, – вспоминала она, – я познакомилась со своим дядей», известным киносценаристом Валентином Константиновичем Туркиным, а также с его первой женой Вероникой Николаевной и их дочерью тоже Вероникой. «Жила я, – читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской далее, – у Вероники Николаевны... на Патриарших прудах... 18 июня... помчалась встречать своего мужа», приехавшего на летнюю сессию в МИФЛИ (32). А «в конце июля мы, по совету дяди, поселились в Тарусе, где провели свой «медовый месяц», и «только из Тарусы мы написали нашим обеим мамам и друзьям, что поженились» (33).

По возвращении в Ростов-на-Дону, писала Наталья Алексеевна, «поселились мы отдельно, сняв комнату в Чеховском переулке», «дома нас ждал свадебный подарок: отличник, редактор факультетской газеты, активный участник всех комсомольских дел и художественной самодеятельно-

сти – Саня стал получать сталинскую стипендию» (34). Чтобы правильно оценить этот факт, необходимо учесть, что в 1940 г. в университете на всех факультетах было только восемь сталинских стипендиатов (35).

«Несмотря на всю занятость, – подчеркивала в своих воспоминаниях Н. А. Решетовская, – весной сорок первого года мы участвовали в смотре художественной самодеятельности вузов и техникумов Ростовской области. Саня читал свои стихотворения “Гимн труду” и “Ульяновск”... О нас писали в газетах “Молот” и “Большевистская смена”. Потом ростовчане увидели киножурнал местной хроники. Сталинский стипендиат Александр Солженицын, совмещая два высших учебных заведения, проводил эффектный опыт с аппаратом Тесла, затем готовил очередное задание для заочного института и, вложив его в конверт, разборчиво надписывал адрес МИФЛИ» (36).

Характеризуя свою литературную деятельность и имея в виду предвоенные годы, Александр Исаевич писал, обращаясь к Кириллу Симоняну: «К юности уже много было написано у каждого из нас, тетрадки, тетрадки – и наконец, мы стали посылать свои произведения светилам – а светила чаще не отвечали, а когда Тимофеев прислал разгром и моих стихов, и твоих – для нас это был мрачный удар... Но тем не менее мы еще ходили робко к областному поэту Кацу, не напечатает ли он, а из “Молота” Левин поощрял нас очень. А еще ты завлек меня в литературный кружок при Доме мед-

работника...» (37).

Тогда же А. И. Солженицын делает первые опыты в прозе и задумывает роман о революции. Первоначально он относил возникновение его замысла к школьным годам (38), но, видимо, после знакомства с воспоминаниями Н. А. Решетовской, которая, с его же слов, датировала это событие осенью 1936 г. (39), вынужден был присоединиться к ее датировке (40). По свидетельству Натальи Алексеевны, роман должен был называться «Люби революцию» и начинаться разгромом армии генерала Самсонова в августе 1914 г. (41). О том, как протекала работа над воплощением этого замысла, имеются разные сведения (42). Но самым показательным является тот факт, что отложившиеся к началу войны выписки из книг и черновые наброски отдельных глав составили всего лишь «*две тетрадочки*» (43). Следовательно, в 1930-е гг. работа над романом не вышла за рамки начальной стадии. Неудивительно, что о ней ничего не знали даже ближайшие друзья его автора (44).

Отказавшись от эпического замысла, А. И. Солженицын попытался проверить свои способности в другом жанре. Так появились на свет три рассказа «Заграничная командировка», «Николаевские» и «Речные стрелочники» (45). Герой первого из них – ученый, который собирается в заграничную командировку и думает о невозвращении, ночь он не спит, а утром включает радио, слышит увертюру к опере «Руслан и Людмила» и понимает, что бросить Родину не может. Во

втором рассказе речь шла о старике, который что-то прятал, это было замечено, явились чекисты, произвели обыск и обнаружили старые, никому уже ненужные николаевские деньги. Последний рассказ представлял собою очерк о путешествии А. И. Солженицына и Н. Д. Виткевича летом 1939 г. по Волге (46).

Имеются сведения, что свои литературные опыты Александр Исаевич посылал Б. Лавреневу (47), Л. Тимофееву (48) и К. Федину (49).

Между тем обучение в университете подошло к концу. Сдав государственные экзамены, А. И. Солженицын получил диплом учителя математики и характеристику, в которой говорилось: «Тов. Солженицын Александр Исаевич – студент 5 курса физмата РГУ (*математическая специальность*) является отличником учебы и сталинским стипендиатом. На протяжении пяти лет пребывания в университете тов. Солженицын получал только отличные оценки, совмещая занятия в университете с заочным обучением на литературном факультете. К сожалению, это последнее совмещение не дало возможности тов. Солженицыну получить оригинальные результаты в своей курсовой работе. Тов. Солженицын ведет большую общественную работу – редактор стенной газеты и староста курса. Деканат физмата рекомендует тов. Солженицына на должность ассистента вуза или аспиранта. Ректор РГУ (Белозеров). Секретарь партийного бюро (Ракитин)» (50).

Из обоза в разведку

Закончив Ростовский университет, Александр Солженицын отправился в Москву, где его ожидала очередная экзаменационная сессия в МИФЛИ (1). В столицу он прибыл 22 июня, «но едва устроился в общежитии, по радио сообщили о войне с Германией». «Многие студенты МИФЛИ записывались добровольцами, – вспоминала Наталья Алексеевна. – Санин военный билет остался в Ростове. Надо возвращаться» (2).

В этих словах по крайней мере две неточности.

Во-первых, тогда «военный билет» представлял собою удостоверение личности только командного состава, рядовым выдавались «красноармейские книжки» (3), причем, как отмечается в литературе, после финской войны рядовой и сержантский состав некоторое время не имел и красноармейских книжек (4). По этой причине забывать дома А. И. Солженицыну было нечего.

Во-вторых, и это самое главное, военнообязанного могут призвать на службу только по месту прописки (5). Поэтому, если в конце июня 1941 г. Александр Исаевич вернулся домой, то только потому, что в связи с началом войны занятия в МИФЛИ были прекращены.

Как утверждала Н. А. Решетовская, добравшись до Ростова, ее муж сразу же бросился в военкомат. «Он рвался на

фронт», «предлагал себя в военкомате то в артиллерию, то в переводчики», но его почему-то не брали (6). Факт сам по себе очень странный, особенно в условиях мобилизации.

В эти летние дни 1941 г. вместо армии Александр Исаевич едва не оказался за колючей проволокой. «В тылу первый же военный поток, – пишет он в «Архипелаге», имея в виду аресты, – был – распространители слухов и сеятели паники, по специальному внекодексовому Указу, изданному в первые дни войны... Мне едва не пришлось испытать этот Указ на себе: в Ростове-на-Дону я стал в очередь к хлебному магазину, милиционер вызвал меня и повел для счета. Начинать бы мне было сразу ГУЛАГ вместо войны, если бы не *счастливое заступничество*» (7).

Неужели сталинский стипендиат в хлебной очереди 1941 г. вел паникерские разговоры? И что это были за влиятельные «заступники», которые смогли вырвать его из рук НКВД?

Между тем стремительно пронеслась последняя неделя июня, промчался июль, прошел август. Немецкие войска все дальше и дальше продвигались вглубь страны. Почти все сверстники А. И. Солженицына были в армии, но его не призывали.

Мы уже знаем, что по окончании университета Александр Исаевич был рекомендован «на должность ассистента вуза или аспиранта». Какую же из этих двух перспектив он выбрал? Оказывается, ни ту, ни другую. 20 августа 1941 г. он

стал учителем математики средней школы № 1 им. Луначарского в небольшом районном городке Морозовске, который располагался примерно в 250 километрах северо-восточнее Ростова-на-Дону, почти у самой границы со Сталинградской областью (8). «С первого сентября, – читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, – мы начали учить ребятишек в городе Морозовске» (9).

И только через полтора месяца, когда немецкие войска вплотную подошли к Москве и завязались ожесточенные бои на ее подступах, А. И. Солженицын, наконец, получил повестку. «В середине октября, – вспоминала Наталья Алексеевна, – Саню призвали. Но вместо желанной артиллерии отличный математик попал в *обоз*» (10).

Из документов: «18 октября 1941 г. – Солженицын А. И. мобилизован Морозовским Райвоенкоматом. Зачислен рядовым в 74-й Отдельный Гужтранспортный батальон (ОГ-ТБ), подчиненный штабу Сталинградского ВО, расквартированный в Ново-Анненском районе Сталинградской области» (11).

Очень странно, что А. И. Солженицына призвали в армию только через четыре месяца после начала войны. И почти невероятно, что его, закончившего физико-математический факультет университета, причем с отличием, в условиях нехватки офицерских кадров направили в обоз.

Как такое могло получиться?

Объясняя этот факт, Александр Исаевич в своей автобио-

графии, направленной в адрес Нобелевского комитета, отмечал, что оказался в обозе «из-за ограничений по здоровью» (12). С чем именно были связаны эти ограничения, он не указал. Это сделала Н. А. Решетовская. В своих первых воспоминаниях, изданных в 1975 г., она писала: «Саня был *ограниченно годен* к военной службе», «виной была его *нервная система*» (13).

Какая же была связь между «нервной системой» сталинского стипендиата и его «ограниченной годностью» к военной службе? Ведь все, что до сих пор известно о нем, свидетельствует: его «нервной системе» можно только позавидовать.

Разъяснение на этот счет мы находим в интервью, которое Наталья Алексеевна дала в 1990 г. журналистке Е. Афанасьевой для ростовской газеты «Комсомолец». Отметив, что факт «ограниченной годности» ее мужа к военной службе удостоверяла имевшаяся у него на руках справка, Н. А. Решетовская сказала: «Он даже *немного постарался* получить эту справку, боялся, что в мирное время военная служба повредит осуществлению планов. А тут война» (14).

«Немного постарался» означает только одно: «ограниченная годность» к военной службе была не следствием расстройства «нервной системы», а результатом стараний самого сталинского стипендиата.

Когда я обратился к Наталье Алексеевне с вопросом, в чем именно заключались эти «старания», она объяснила,

что, опасаясь призыва в армию, ее муж обратился за помощью к Лиде Ежерец, отец которой, будучи врачом, помог А. И. Солженицыну получить освобождение от военной службы. При этом Наталья Алексеевна пояснила, что к подобной «хитрости» Александр Исаевич прибег только для того, чтобы иметь возможность закончить университет (15).

Если свидетельство Н. А. Решетовской о происхождении «ограниченной годности» ее мужа к военной службе соответствует действительности, а у нас нет никаких оснований ставить его под сомнение, так как сам А. И. Солженицын до сих пор его не опроверг, становится понятно и то, почему он не был призван в армию в первые дни войны, и то, почему первоначально его, одного из лучших выпускников университета, «верного ленинца» и сталинского стипендиата, отправили в обоз.

Оказавшись в армии, А. И. Солженицын вскоре сообщил жене, что его направили в тыл. Так началась военная переписка. По утверждению Н. А. Решетовской, всего за 1941–1945 гг. она получила от мужа 248 писем (16). Это – два письма в неделю.

В своей неоконченной повести о войне Александр Исаевич живописует, как, оказавшись в обозе, ее герой, прототипом которого был он сам, Глеб Нержин всячески старался перейти в артиллерию, как ему удалось получить командировку в штаб военного округа и как здесь он сумел осуществить свое желание. Его очередная просьба, наконец, была

удовлетворена (17).

Подобным же образом рисует судьбу своего мужа и Н. А. Решетовская. По ее словам, Саня действительно был направлен в командировку. «Эта командировка в Сталинград, – писала она, – решила его судьбу: диплом с отличием произвел магическое впечатление. Саня тут же получил направление в артиллерийское училище» (18).

Однако у нас нет никаких сведений о том, что А. И. Солженицын сам изъявил желание уйти на фронт. Нам неизвестны ни его пламенные заявления на этот счет, которыми он якобы бомбардировал свое начальство, ни свидетельства сослуживцев. Более того, подчеркивая желание мужа попасть на фронт, Наталья Алексеевна не привела на этот счет ни одного фрагмента из его писем к ней, хотя он писал ей дважды в неделю.

Между тем, есть основания утверждать, что, находясь в обозе, он мечтал не о фронте. В свое время у Н. А. Решетовской мне удалось познакомиться со своеобразной летописью жизни ее мужа, которую она называла «Хронографом». В нем зафиксирован фрагмент из его письма, датированного 15 января 1942 г., в котором, подчеркивая, что его «угнетает» «положение *рядового* обозника», Александр Исаевич писал «...мечтаю о конце войны, о свидании с родными, о работе за письменным столом, о МИФЛИ» (19). Мечты вполне понятные и объяснимые, но свидетельствующие, что автор письма, хотя и мечтал о «конце войны», отнюдь не горел же-

лением быть на фронте.

В связи с этим нельзя не обратить внимания, что в армию А. И. Солженицын был призван в октябре 1941 г., а направление в училище получил только в марте 1942 г., т. е. через пять месяцев. Неужели он так был нужен в обозе, что его никак не хотели отпускать на фронт?

18 марта 1942 г. «по путевке штаба Сталинградского Военного округа» рядовой А. И. Солженицын был «направлен в АККУКС (гор. Семенов Горьковской области) на курсы командиров батарей» (20). 23 марта по пути на новое место он завернул в Морозовск, чтобы навестить жену (21). В городе Семенове Александр Исаевич пробыл несколько дней, после чего 9 апреля 1942 г. получил новое направление – на этот раз «в 3-е Ленинградское артиллерийское училище», которое размещалось в Костроме, и 14 апреля стал его курсантом (22).

А пока курсант А. И. Солженицын осваивал основы артиллерийского искусства, немецкие войска подошли к Ростову-на-Дону. Началась эвакуация⁹. Наталья Алексеевна, Мария Константиновна и Таисия Захаровна добрались до Минеральных Вод, откуда Наталья Алексеевна с матерью отправилась в Кисловодск (там жила сестра Марии Константиновны), а Таисия Захаровна – к своей сестре в Георгиевск,

⁹ Здесь, вероятно, следует отметить, что, по сведениям Н. В. Ледовских, еще до призыва Александра Исаевича на службу Наталья Алексеевна получила предложение в случае прихода оккупантов остаться в Морозовске для подпольной работы.

«вскоре занятый немцами» (23).

В ночь с 4 на 5 августа 1942 г. в Кисловодске тоже была объявлена тревога, снова началась эвакуация. «Я, – вспоминала Н. А. Решетовская, – вскочила и бросилась собирать то, с чего начинала и в Ростове: дорогие фотографии, Сашины письма и стихи, особенно любимые мною его рассказы, свои дневники» (24). 6 августа Н. А. Решетовская с матерью были в Пятигорске, затем Баку – Ташкент – Алма-Ата. В столицу Казахстана они прибыли в ночь с 6 на 7 сентября. 21 сентября здесь Наталья Алексеевна получила «известие о том, что Саня в Костроме», а 23 сентября отправилась в Талды-Курган, где стала преподавателем техникума (25).

Через подругу Таисии Захаровны, которая жила в Ташкенте (по всей видимости, Е. Андрееву-Федоровскую), Н. А. Решетовская узнала новый адрес мужа (26), 13 октября в Талды-Курган пришла телеграмма из Костромы, после чего переписка между Александром и Натальей возобновилась. Один из первых вопросов, который интересовал Александра Исаевича, сохранились ли его «писания» и «зачетная книжка МИФЛИ» (27). Из переписки Александра Исаевича с женой явствует, что главным его желанием в то время было – погрузиться в литературное творчество, он хотел написать повесть о студентах на войне под названием «Шестой курс» (28).

К сожалению, пока не удалось обнаружить воспоминаний о пребывании А. И. Солженицына в военном училище. Но

вот что об этом времени он пишет сам: «Постоянно в училище мы были голодны, высматривали, где бы тяпнуть лишний кусок, ревниво друг за другом следили – кто словчил. Больше всего боялись не доучиться до кубиков (слали недоучившихся под Сталинград). А учили нас – как молодых зверей, чтоб обозлить больше, чтоб нам потом отыграться на ком-то хотелось. Мы не высыпались – так после отбоя могли заставить в одиночку (под команду сержанта) строевой ходить – это в наказание. Или ночью поднимали весь взвод и строили вокруг одного нечищеного сапога: вот! он, подлец, будет сейчас чистить и пока не до блеска – будете все стоять. И в страстном ожидании кубарей мы отрабатывали тигриную офицерскую походку и металлический голос команд» (29).

Делая эту зарисовку, Александр Исаевич не отделял себя от общей массы курсантов и, употребляя понятие «мы», имел в виду и себя. Это значит, он тоже «высматривал, где бы тяпнуть лишний кусок», «ревниво» следил за теми, «кто словчил», «больше всего боялся не доучиться до кубиков» и оказаться «под Сталинградом». И если выделялся из общей массы, то только тем, что был «лучшим учеником», и «в страстном ожидании кубарей» успешнее отрабатывал «тигриную офицерскую походку и металлический голос».

Через семь месяцев училище было закончено. 1 ноября 1942 г. приказом командующего Московского военного округа А. И. Солженицыну было присвоено звание лейтенанта, 5 ноября 1942 г. его зачислили «в 9-й ЗРАП», раскварти-

рованный в г. Саранске Марийской ССР (30).

Широкое распространение получил миф, будто бы во время войны Александр Исаевич служил то ли артиллеристом (31), то ли зенитчиком (32). Между тем приведенное выше слово «ЗРАП» означает Запасной *разведывательный* артиллерийский полк. Это значит, что закончив артиллерийское училище, А. И. Солженицын получил направление не в артиллерию, а в артиллерийскую разведку, что совсем не одно и то же. Батарея А. И. Солженицына состояла не из орудий залпового огня, а из специальных приборов, которые позволяли засекать огневые точки противника (33).

5 декабря 1942 г. по прибытии в Саранск Александр Исаевич был назначен командиром батареи звуковой разведки 794-го ОАРАД (Отдельного Армейского Разведывательного Артиллерийского Дивизиона) (34).

«И вот – навинчены были кубики! – пишет А. И. Солженицын, – И через какой-нибудь месяц, формируя батарею в тылу, я уже заставил своего нерадивого солдатика Бербенёва шагать после отбоя под команду непокорного мне сержанта Метлина... И какой-то старый полковник из случившейся ревизии вызвал меня и стыдил. А я (это после университета!) оправдывался: нас в училище так учили» (35). И хотя позднее Александр Исаевич выражал раскаяние по этому поводу, невольно вспоминается эпизод из пьесы Евгения Шварца «Дракон»: один из ее героев Генрих, холоп дракона, оправдывается перед рыцарем Ланселотом: «Я не виноват,

меня так учили». «Всех учили, – отвечает ему Ланселот, – но почему ты, скотина этакая, был первым учеником».

Именно в это время (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943 гг.) Красная Армия перешла в наступление под Сталинградом. В одном из писем тех дней А. И. Солженицын с энтузиазмом «первого ученика» писал Н. А. Решетовской:

«Наступление под Сталинградом! Долгожданное! Сталин не выбирает второстепенных фронтов, он бьет Гитлера на главных: на Кавказе, на Волхове» (36).

Образцовый офицер

Сталинградская битва знаменовала собою начало коренного перелома в Великой Отечественной войне. Когда эта битва завершилась, А. И. Солженицына, наконец, отправили на фронт. Это произошло 13 февраля 1943 г. (1) Из Саранска через Ярославль, Бологое, Осташков его батарея была доставлена в район Старой Руссы (2) и включена в состав 13 артиллерийской дивизии 1-й Ударной армии Северо-Западного фронта (3). Но воевать здесь ей не пришлось. Весной ее перебросили в другое место (4). В одном из документов, характеризующих военный путь А. И. Солженицына, мы читаем: «Май 1943 г. – Брянский (позже Центральный, позже 1-й Белорусский фронт) – 63-я армия (ген. Колпакчи), 794 ОАРАД» (5).

По признанию самого Александра Исаевича, его военная

профессия принадлежала к числу редких. В среднем на одну армию приходилось по две батареи звуковой разведки (6). Поэтому в Красной Армии того времени насчитывалось лишь около 150 подобных батарей. Причем возглавляемая А. И. Солженицыным батарея входила в состав бригады, состоявшей в Резерве главного командования (7).

Для правильного понимания характера военной службы Александра Исаевича необходимо учитывать также, что «на среднепересеченной местности стреляющие орудия, минометы и ракетные средства залпового огня засекаются подразделениями звуковой разведки» на расстоянии от 5 до 20 км (8), т. е. далеко от передовой. К этому нужно добавить, что звуковая разведка «организационно входит в состав разведывательного артиллерийского дивизиона» (9), а значит, представляет собою подразделение военной разведки (10).

«На фронте, – читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, – Саню поджидал сюрприз: встретился с Кокой – Николаем Виткевичем» (11). Эта встреча произошла 12 мая на реке Неручь под городом Новосилем (недалеко от Орла) (12).

Н. Д. Виткевич был призван в армию в конце июня 1941 г. и направлен в Москву на командные курсы при Военной академии химзащиты, по окончании которых в октябре 1941 г. получил звание лейтенанта и назначение на должность начальника химслужбы 866 стрелкового полка 287 стрелковой дивизии 3 армии (13). Незадолго до встречи со своим

другом Николай Дмитриевич был повышен в звании, в мае 1943 г. принят в ВКП(б) и назначен командиром 61-й роты химзащиты 41-й стрелковой дивизии 63-й армии, в сентябре 1943 г. стал капитаном и возглавил химслужбу отдельного саперно-минерного батальона этой же дивизии (14)

Н. А. Решетовская узнала о встрече друзей 7 июля. «После каждой из таких встреч – вспоминала она, – я получаю подробный отчет»¹⁰ (15).

Как отмечала Наталья Алексеевна, ее муж очень скупое писал о том, что происходило на фронте, зато делился мыслями о своих планах на будущее.

«Ты и все почти думают о будущем в разрезе своей личной жизни и личного счастья, – подчеркивал он. – А я давно не умею мыслить иначе, как: *что я могу сделать для ленинизма*, как мне строить для этого жизнь?» (16). И далее: «Следуя гордому лозунгу “Единство цели”, я должен замкнуться в русской литературе и Истории Коммунистической партии» (17).

«Замыкавшийся» в свободное время в литературе, А. И. Солженицын держал жену в курсе своего творчества. В письмах упоминаются его новые рассказы «В городе М», «Лейтенанты», «Письмо 254». Сообщая о них жене, Александр Исаевич писал, что хотел бы «получить поддержку от

¹⁰ Известно девять фронтовых встреч Н. Д. Виткевича и А. И. Солженицына: 12 мая, 12 июня, 9 июля, 21 августа, 22 ноября, 13 и 28–29 декабря 1943 г., 2–3 января и 21–22 марта 1944 г. (Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 12 августа 1993 г. // Архив автора).

Федина, Лавренева, Тимофеева и других» (18). В качестве посредницы им была использована Лидия Ежерец, семья которой к этому времени переселилась в Москву (19). Особенно Александра Исаевича интересовало мнение К. А. Федина. Упоминая об этом в одном из писем к Н. А. Решетовской, он отмечал: если последний не найдет в его рассказах таланта, то он бросит писать («вырву сердце из груди, растопчу 15 лет своей жизни») и после войны «перейдет на истфак, но свой вклад в ленинизм все равно сделает» (20).

Насколько известно, ответ пришел только от Б. А. Лавренева.

«И, наконец, он у мужа, – вспоминала Наталья Алексеевна, – а у меня – письмо, где Саня сообщает, что вот уже 10 часов вертит в руках отзыв Лавренева и никак не разберется в своем настроении. Лавренев помнит все, что посылалось ему в мае 1941 года! А все его похвалы заключаются в следующих фразах: «Автор прошел большой путь, созрел и сейчас можно уже говорить о литературных произведениях. Способность автора к литературному труду не вызывает у меня сомнения, и мне думается, что в спокойной обстановке после войны, отдавшись целиком делу, которое он, очевидно, любит, автор сможет достигнуть успехов» (21).

Ответ явно дипломатический.

К сожалению, почти неизвестны свидетельства бывших сослуживцев А. И. Солженицына, позволяющие представить его как офицера (22). Тем ценнее его собственные вос-

поминания: «Я метал подчиненным беспспорные приказы, убежденный, что лучше тех приказов и быть не может. Даже на фронте, где всех нас, кажется, равняла смерть, моя власть возвышала меня. Сидя, я выслушивал их, стоящих по «смирно». Обрывал, указывал. Отцов и дедов называл на «ты» (они меня на «вы», конечно). Посылал их под снарядами сращивать разорванные провода, чтобы только шла звуковая разведка и *не попрекало начальство* (Андреяшин так *погиб*). Ел свое офицерское масло с печеньем, не раздумываясь, почему оно мне положено, а солдату нет. Уж, конечно, был у нас на двоих денщик (а по-благородному «ординарец»), которого я так и сяк озабочивал и понукал следить за моей персоной и готовить нам всю еду отдельно от солдатской... Заставлял солдат горбить, копать мне особые землянки на каждом новом месте и накатывать туда бревёшки потолще, чтобы было мне удобно и безопасно. Да ведь позвольте, да ведь и гауптвахта в моей батарее бывала, да!... еще вспоминаю: сшили мне планшетку из немецкой кожи (не человеческой, нет, из шоферского сидения), а ремешка не было. Я тужил. Вдруг на каком-то партизанском комиссаре (из местного райкома) увидели такой как раз ремешок – и сняли: мы же армия... Ну, наконец, и портсигара своего алого трофейного я жадовал, то-то и запомнил, как отняли...» «Вот что с человеком делают погоны. И куда те внушения бабушки перед иконой! И – куда те пионерские грезы о будущем святом Равенстве!» (23).

Сочетая жесткую требовательность по отношению к подчиненным, необходимые профессиональные качества разведчика и умение правильно строить свои отношения с вышестоящим начальством, А. И. Солженицын сразу же зарекомендовал себя как образцовый офицер (24). Уже 26 июля 1943 г. командир 794 ОАРАД капитан Е. Ф. Пшеченко представил его к ордену Отечественной войны II степени (25). 10 августа 1943 г. Александр Исаевич был удостоен этой награды (26). Прошло еще около месяца, и 15 сентября 1943 г. его произвели в старшие лейтенанты (27).

7 ноября 1943 г. в 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции старший лейтенант А. И. Солженицын направил жене письмо, в котором говорилось: «... В этот день самый мудрый из революционеров и самый революционный из мудрецов поставил мир на ноги... За два года кровью и храбростью мы подтвердили свое право праздновать 7 ноября» (28).

В результате контрнаступления Красной Армии в 1943–1944 гг. немецкие войска были отброшены от Волги и вытеснены с Северного Кавказа (29). Н. А. Решетовская и ее мать получили возможность вернуться домой. Видимо, прежде чем покинуть Талды-Курган, Наталья Алексеевна известила об этом мужа (30). Затем снова Алма-Ата и десять суток до Москвы. Здесь их встречал брат Марии Константиновны В. К. Туркин, с которым она не виделась тридцать лет (31).

А дома Наталью Алексеевну ждало «большое письмо» от

мужа (32). Оказывается, едва она успела добраться до Алма-Аты, как Александр Исаевич появился в Ростове-на-Дону (33). На основании свидетельства Н. А. Решетовской, а также ее переписки с мужем мы можем утверждать, что из части А. И. Солженицын уехал не ранее 22 марта (34), вернулся обратно не позднее 9 апреля (35).

По свидетельству А. И. Солженицына, весной 1944 г. он побывал не только в Ростове-на-Дону, но и Москве (36). Имеются также воспоминания бывшего офицера Л. В. Власова, с которым Александр Исаевич познакомился на ростовском вокзале, а затем добирался до столицы. Расставаясь, они на всякий случай обменялись адресами и стали переписываться (37). Под Москвой в Барвихе А. И. Солженицын навестил К. С. Симоняна, который работал в правительственном санатории под началом А. М. Ежереца, своего будущего тестя (38).

Как именно Александру Исаевич удалось в разгар войны побывать в Ростове и Москве, он умалчивает. Н. А. Решетовская утверждает, что ее муж получил отпуск (39). Отпуск во время войны представлял собою большую редкость. Для этого требовалось стечение исключительных обстоятельств. А поскольку ни Александр Исаевич, ни Наталья Алексеевна ничего не пишут на этот счет, заслуживает проверки версия, что появление А. И. Солженицына весной 1944 г. в тылу было связано не с отпуском, а с командировкой, причем, вероятнее всего, в Москву.

Что же писал он жене? Оказывается, о ее «поездке к нему на фронт» (40). Не успела Наталья Алексеевна обустроиться в Ростове-на-Дону, как здесь появился подчиненный А. И. Солженицына – сержант Илья Иосифович Соломин.

«Илья Соломин, – пишет Н. А. Решетовская, – привез мне в Ростов гимнастерку, широкий кожаный пояс, погоны и звездочку, которую я прикрепилa к темно-серому берету. Дата выдачи красноармейской книжки свидетельствовала, что я уже некоторое время служила в части. Было даже отпускное удостоверение. Но я не боялась – фронтовому офицеру ничего не сделают за такой маленький обман» (41).

Можно было бы допустить, что Наталья Алексеевна придумала эту историю, однако впервые о ней поведал сам А. И. Солженицын еще в 1963 г. (42) Нашла она отражение и «В круге первом», и в фотографиях того времени (43).

Что сразу же привлекает в рассказе Н. А. Решетовской?

Прежде всего история с документами, которые позволили ей добраться до фронта и проживать у мужа более месяца. Один из них она назвала сама – красноармейская книжка. Так как Наталья Алексеевна не служила в армии ни одного дня, красноармейская книжка была сфальсифицирована. Для этого нужны были чистый бланк, соответствующие печати, знание правил заполнения подобных документов. Кто мог это сделать? Разумеется, не А. И. Солженицын. Кроме того, Н. А. Решетовская имела на руках отпускное удостоверение. Этот документ тоже требовалось подделать. Без

участия соответствующих воинских служб сделать это было невозможно. Но кто из штабных офицеров тогда просто так стал бы рисковать своим положением? (44).

Когда Александр Исаевич вернулся на свою батарею, Н. Д. Виткевич оказался на другом участке фронта (45). «Весной 1944 г., – вспоминал Николай Дмитриевич, – немцы прорвали фронт под Ковелем, и стрелковую дивизию, где я служил, перебросили туда, мы вновь расстались с Солженицыным, возобновив переписку» (46). Первое известное нам письмо датировано 30 мая 1944 г. (47).

Именно в майские дни 1944 г. на батарее А. И. Солженицына появилась Н. А. Решетовская. К ее приезду Александр Исаевич получил очередное воинское звание, стал капитаном. Приказ о присвоении ему этого звания был подписан 7 мая 1944 г. (48).

На батарее мужа Наталья Алексеевна пробыла около месяца, после чего отправилась в обратный путь (49). «Я была еще в пути, – вспоминала Н. А. Решетовская, – когда началось грозное наступление в Белоруссии» (50). Речь идет о знаменитой операции «Багратион», начавшейся 24 июня 1944 г. (51). В успешном развитии этой операции был и вклад батареи звуковой разведки, возглавляемой А. И. Солженицыным. 6 июля 1944 г. командир Разведывательного артиллерийского дивизиона 63 армии майор Е. Ф. Пшеченко представил его к ордену Красной Звезды, 8 июля А. И. Солженицын был удостоен новой награды (52).

14 января 1945 года, продолжая наступление, войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону противника на протяжении более чем ста километров, через две недели вышли западнее Кёнигсберга к Балтийскому морю и замкнули окружение крупной немецкой группировки (53).

Так А. И. Солженицын оказался на территории Восточной Пруссии. Свои впечатления об этом он попытался передать в автобиографической поэме «Дороженька» (глава «Прусские ночи») (54). В ней показывается, как советские войска шли по Пруссии, оставляя за собою разоренные дома, оскорбленных и изнасилованных женщин, трупы ни в чем неповинных мирных людей (55).

Я далек от того, чтобы идеализировать Красную армию, и сам слышал от бывших фронтовиков о многих безобразиях, творимых нашими солдатами на оккупированной территории. Но в этих бесчинствах участвовали далеко не все. К какой же части советского воинства принадлежал главный герой поэмы, прототипом которого был ее автор? Оказывается, и он не удержался от грабежа (56), и он, пользуясь положением победителя, прельстился возможностью удовлетворить свою похоть (57), и он оказался причастен к убийству ни в чем неповинного человека (58).

«Ничто так не способствует пробуждению в нас всепонимания, как теребящие размышления *над собственными преступлениями*, промахами и ошибками, – пишет А. И. Солженицын. – После трудных неоднолетних кругов

таких размышлений говорят ли мне о бессердечии наших высших чиновников, о жестокости наших палачей – я вспоминаю себя в капитанских погонах и поход батареи по Восточной Пруссии, объятый огнем, и говорю: «А разве *мы* – были лучше?...» (59).

На это Александру Исаевичу можно сказать: «Вы лучше не были, но не все были такими, как Вы».

Оказавшиеся в западне, немецкие воинские части пытались вырваться из нее, в результате чего 26–27 января 1944 г. батарея А. И. Солженицына сама оказалась в окружении. Из него она вышла без потерь (60), за что командир батареи был представлен к новому ордену (61).

Однако получить его Александр Исаевич не успел. Вскоре он был арестован.

Глава 2

Узник ГУЛАГа

«Ни на что непохожий арест»

Об этом эпизоде в жизни А. И. Солженицына мы узнали в 1962 г, когда в печати появилась первая биографическая справка о нем, в которой говорилось, что его арестовали «по необоснованному политическому обвинению» (1).

Прошло два месяца, и 25 января 1963 г. на страницах еженедельника «Литературная Россия» журналист Виктор Буханов опубликовал интервью с А. И. Солженицыным, в котором последний, говоря о своем аресте, уточнил, что был жертвой *«злого навета», т. е. клеветы* (2).

В марте 1967 г. Александр Исаевич дал новое интервью, на этот раз словацкому журналисту Павлу Личко. В нем он заявил, что причиной ареста явилась его переписка военных лет с другом детства: «Я был арестован из-за своих наивных детских идей. Я знал, что в письмах с фронта запрещено писать о военных делах, но я думал, что можно было реагировать на другие события. В течение длительного времени я посылал другу письма, ясно критикующие Сталина» (3).

Вот вам и навет. Вот и клевета.

В 1970 г. А. И. Солженицын стал лауреатом Нобелевской

премии. В 1971 г. на страницах «Ежегодника Нобелевского фонда» появилась его автобиография, в которой говорилось: «Арестован я был на основании цензурных извлечений из моей переписки со школьным другом в 1944–1945 гг., главным образом за *непочтительные высказывания* о Сталине... Дополнительным материалом “обвинения” послужили найденные у меня в полевой сумке *наброски рассказов и рассуждений*» (4).

Прошло еще несколько лет, и 2 февраля 1974 г. А. И. Солженицын выступил с «Заявлением прессе», в котором полемизируя с Н. Д. Виткевичем, заявил: «Отлично знает он, что от моих показаний не пострадал никто, а наше с ним дело было решено независимо от следствия и еще до ареста: обвинения взяты из нашей подцензурной переписки (она фотографировалась *целый год*) с *бранью* по адресу Сталина, и потом – из “*Резолюции № 1*”, изъятой из наших полевых сумок, составленной нами совместно на фронте и *осуждавшей наш государственный строй*» (5).

Таким образом, за двенадцать лет из-под пера Александра Исаевича вышли три совершенно разные версии его первого ареста. Факт уже сам по себе примечательный, особенно для человека призывающего жить не по лжи.

Но дело не в том, чтобы в очередной раз уличить А. И. Солженицына в неправде. Этот арест во многом предопределил всю его будущую жизнь. Поэтому для правильного ее понимания необходимо знать, что же произошло с ним

в 1945 г. на самом деле?

Архивные материалы, связанные с этим эпизодом, до сих пор остаются для исследователей недоступны. Только два человека получили возможность познакомиться с ними и частично предать их огласке: бывший заместитель главного военного прокурора СССР генерал-лейтенант юстиции в отставке Борис Алексеевич Викторов (6) и журналист Кирилл Анатольевич Столяров (7). Именно они опубликовали постановление, на основании которого был произведен арест А. И. Солженицына.

Вот текст этого документа, обнародованный К. А. Столяровым, по его утверждению, «без существенных сокращений»:

«Гор. Москва, 30 января 1945 года.

Я, ст. оперуполномоченный 4 отдела 2 управления НКГБ СССР¹¹, капитан Госбезопасности ЛИБИН, рассмотрев поступившие в НКГБ СССР материалы о преступной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, урож. гор. Кисловодска, русского, беспартийного, с высшим педагогическим образованием, находящегося в настоящее время в Красной Армии в звании капитана, НАШЁЛ

Имеющимися в НКГБ СССР материалами установлен-

¹¹ С 14 апреля 1943 г. по 4 мая 1946 г. Второе управление Народного комиссариата государственной безопасности возглавляло контрразведку (Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Составители А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 1997. С. 125).

но, что СОЛЖЕНИЦЫН создал антисоветскую молодежную группу и в настоящее время проводит работу по сколачиванию антисоветской организации.

В переписке со своими единомышленниками СОЛЖЕНИЦЫН критикует политику партии с троцкистско-бухаринских позиций, постоянно повторяет троцкистскую клевету в отношении руководителя партии тов. СТАЛИНА.

Так в одном из писем к своему единомышленнику ВИТКЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫН 30 мая 1944 года писал:

“...Тщательно и глубоко сопоставив цитаты, продумав и покурив, выяснил, что (Сталин) понятия не имеет о лозунгах по крестьянскому вопросу и (нецензурно) мозги себе и другим. В октябре 17 года мы опирались на все кр-во, а он утверждает, что на беднейшее...”.

В письме к ВИТКЕВИЧУ от 15/VIII – 44 г. СОЛЖЕНИЦЫН указывает:

“...3) В отношении теоретической ценности (СТАЛИНА) – ты абсолютно прав. Больше того, (он) очень часто грубо *ошибается* в теории и я наглядно мог бы продемонстрировать тебе это при встрече на примере трех лозунгов по крестьянскому вопросу (одному из кардинальнейших вопросов Октябрьской р-ции)”.

В письме к своей жене РЕШЕТОВСКОЙ в ответ на ее сообщение о результатах экзаменов, которые она сдавала в аспирантуру, СОЛЖЕНИЦЫН 14/X – 44 г. писал:

“...А что ты не ответила на вопрос о *трех* сторонах дик-

татуры пролетариата, не унывай, ибо это уже не ленинизм, а позже – понимаешь? И ничего общего с серьезной теорией не имеет. Просто *кое-кто*, не понимая всей глубины бесконечности, любит примитивно считать на пальцах”.

По этому же поводу СОЛЖЕНИЦЫН пишет ВИТКЕВИЧУ:

“...Я указал ей (жене), что всякие учения о *трех* сторонах, *пяти* особенностях, *шести* условиях никогда даже не лежали рядом с ленинизмом, а выражают чью-то манеру считать по пальцам”.

В письме тому же адресату СОЛЖЕНИЦЫН 15 августа 1944 года указывал о необходимости после войны обосноваться в Ленинграде, мотивируя это следующим:

“...Москва тоже не нужна, а нужен Ленинград, не свободный город торгашей, а пролетарский и интеллигентный умный город... К тому же по традициям (подумай!) чужд (СТАЛИНУ)”.

Будучи на фронте СОЛЖЕНИЦЫН в письмах советует единомышленникам *избегать боев*, беречь “силы” для активной борьбы после войны.

В письме ВИТКЕВИЧУ от 25 декабря 1944 года он пишет: “...Письмо и злоба твоя отозвались во мне очень громко... Я всегда стараюсь избегать боя – главным образом потому, что надо *беречь силы*, не растрачивать резервов – и не тебя мне пропагандировать в этом...”.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 146 и

157 УПК РСФСР, –

ПОСТАНОВИЛ:

“СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича подвергнуть обыску и аресту с этапированием в Москву для ведения следствия...”» (8).

Постановление было подписано начальником 4-го отдела Второго управления НКГБ СССР подполковником А. Я. Свердловым и заместителем наркома госбезопасности Б. З. Кобуловым. 31 января его утвердил заместитель Генерального прокурора СССР, главный военный прокурор А. П. Вавилов (9).

Из прокуратуры постановление было передано в Главное управление контрразведки (СМЕРШ) Народного комиссариата обороны СССР, которое тогда возглавлял В. С. Абакумов. Отсюда 2 февраля 1945 г. за подписью генерал-лейтенанта Бабица в контрразведку «Смерш» Второго Белорусского фронта ушла секретная телеграмма № 4146 о необходимости ареста А. И. Солженицына (10).

Контрразведка фронта отдала соответствующее распоряжение контрразведке 48 армии. И 9 февраля 1945 г. на командном пункте 68-й Севско-Режицкой бригады, который располагался в Восточной Пруссии на побережье Балтийского моря в небольшом городке Вормдйт (11), А. И. Солженицын был арестован (12).

«Комбриг, – читаем мы «Архипелаге ГУЛАГ», – вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет,

я отдал, не подозревая никакого лукавства, – и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько *прыжков* (видимо, до этого служили в балете или в ансамбле песни и пляски – А.О.) пересекли комнату и, четырьмя руками *одновременно* (значит, долго тренировались – А.О.) хватаясь за звездочку на шапке (зачем? – А.О.), за погоны (обратите внимание – за погоны, а не за погон – А.О.), за ремень, за полевую сумку, *драматически закричали* (в два голоса – А.О.): “Вы арестованы!”» (13).

Попробуйте, если у вас есть хотя бы небольшое воображение, представить эту картину, не забывая при этом, что двое обыкновенных контрразведчиков имели только четыре руки. Читать без улыбки приведенные строки нельзя. Не нужно большого ума, чтобы понять: нарисованная А. И. Солженицыным картина – плод фантазии. Или никакого ареста не было, или же он происходил совсем не так.

Далее, по А. И. Солженицыну, контрразведчики («капитан и майор») «выпотрошили» его полевую сумку, сорвали погоны, сняли с шапки звездочку, забрали ремень, после чего вытолкали арестованного во двор, посадили в черную эмку и повезли в контрразведку штаба армии, которая находилась в прусском городке Остероде (14)

«В ту ночь, – пишет Александр Исаевич, – смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались), и с любезностями вручили ее мне и просили

говорить шоферу, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привез в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер» (15).

По словам А. И. Солженицына, в контрразведку 48-й армии его доставили «после полуночи», и, видимо, только здесь был составлен протокол обыска (16). Из интервью Б. А. Викторова явствует, что «в [следственном] деле есть список, отобранного у Солженицына при аресте. В нем записаны: портрет Троцкого, портрет Николая II, дневник» (17). Неужели командир батареи, советский офицер носил в своей полевой сумке портреты не только свергнутого царя – «Николая Кровавого», но и «врага народа» Л. Д. Троцкого, обвинявшегося в связях с гестапо?

«Я, – вспоминает А. И. Солженицын, – как раз был четвертым, втолкнут уже после полуночи» в карцер армейской контрразведки (18).

На следующий день утром арестованных построили во дворе. «Когда меня из карцера вывели строиться, – пишет Александр Исаевич, – арестантов уже стояло семеро, три с половиной пары, спинами ко мне. Шестеро из них были в истертых, все выдавших русских солдатских шинелях... Седьмой же арестант был гражданский немец... Меня поставили в четвертую пару, и сержант татарин, начальник конвоя, кивнул мне взять мой *опечатанный*, в стороне стоящий *чемодан*. В этом чемодане были мои офицерские вещи и *все письменное, взятое при мне* – для моего осуждения» (19).

Как же в одном и том же чемодане могли одновременно оказаться офицерские подштанники и криминальные рукописи? И виданное ли дело, чтобы улики против себя транспортировал сам арестант? Тем более, что их было не так много, чтобы не поместиться в полевой сумке одного из контрразведчиков.

Но главное в другом: откуда к утру 10 февраля в армейской контрразведке у А. И. Солженицына появился чемодан? Неужели комбат всякий раз отправлялся с ним на командный пункт? Но тогда почему он не был упомянут в описании ареста? А если Александр Исаевич прибыл по вызову командира без чемодана, откуда он взялся в контрразведке армии к утру следующего дня?

Как мы уже знаем, в постановлении НКГБ об аресте А. И. Солженицына говорилось: «подвергнуть обыску и аресту». Но обыскать означало не только вывернуть карманы и выпотрошить полевую сумку, но и произвести тщательный осмотр всех солженицынских вещей. Следовательно, с командного пункта смершевцы должны были направиться к месту размещения солженицынской батареи.

В «Архипелаге» этот факт не нашел отражения, зато он описан в поэме «Дороженька», из которой явствует – чемодан А. И. Солженицына передал смершевцам один из его подчиненных (20). Это вполне соответствует воспоминаниям сержанта И. И. Соломина. По его свидетельству, однажды к батарее звуковой разведки подъехала черная «эмка»,

из которой вышли два офицера-контрразведчика и, забрав с собой Александра Исаевича, уехали. Через некоторое время они вернулись и потребовали вещи А. И. Солженицына. Уложив их в чемодан, И. И. Соломин передал его названным офицерам (21).

Из «Архипелага» мы знаем, как во время обысков срывали обои, разбивали сосуды, взламывали полы (22). Почему же, если А. И. Солженицын действительно был арестован, офицеры – смершевцы вопреки поступившему из Москвы приказу не стали производить обыск на его батарее?

«На другой день после ареста, – пишет Александр Исаевич, – началась моя пешая Владимирка: из армейской контрразведки во фронтовую отправлялся этапом очередной улов. От Остероде до Бродниц гнали нас пешком» (23).

Когда арестованные были построены, «сержант татарин» приказал Александру Исаевичу взять свой чемодан. Как же реагировал на это арестованный комбат? «Я – офицер. Пусть несет немец» (24). И «сержант татарин» приказал «немцу» нести чемодан А. И. Солженицына. «Немец, – вспоминал Александр Исаевич, – вскоре устал. Он перекладывал чемодан из руки в руку, брался за сердце, делал знаки конвою, что нести не может. И тогда сосед его в паре, военнопленный, Бог знает, что отведавший только что в немецком плену (а может быть, и милосердие тоже) – по своей воле взял чемодан и понес. И несли потом другие военнопленные, тоже безо всякого приказания конвоя. И снова немец. *Но не*

я». (25).

В Бродницах, где находилась контрразведка 2-го Белорусского фронта, Александр Исаевич провел трое суток (26). Только здесь 14 февраля был составлен протокол о его аресте (27).

В «Архипелаге» А. И. Солженицын дает яркое описание того, как перевозили заключенных: переполненные вагоны, грязь, холод, отсутствие воды, голодный паек, грубость конвоя и т. д. (28) А как этапировали его самого?

«После суток армейской контрразведки, после трех суток в контрразведке фронтовой..., — пишет он, — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду *как вольный*, и *среди вольных*, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у параша» (29). И далее: «На одиннадцатый день после моего ареста три смершевца-дармоеда... привезли меня на Белорусский вокзал Москвы» (30). А затем метро «Белорусская», Охотный ряд и знаменитая Лубянка (31).

Как же так? Оказывается, не всех арестованных этапировали. Некоторых доставляли со спецконвоем. Со спецконвоем, который состоял из трех смершевцев, в обычном плацкартном вагоне приехал в Москву и Александр Исаевич (32).

Удивительное следствие

На Лубянку А. И. Солженицын был доставлен 19 февраля 1945 г. (1).

О ходе следствия мы тоже можем судить главным образом на основании его собственных воспоминаний, а также материалов, введенных в оборот Б. А. Викторовым и К. А. Столяровым. Из них явствует, что заведенное на А. И. Солженицына в Народном комиссариате государственной безопасности СССР дело имело номер № 7629 (2), а следствие вел помощник начальника 3-го отделения 11-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР капитан государственной безопасности И. И. Езепов (3).

По свидетельству А. И. Солженицына, вначале его поместили в одиночку, затем около 24 февраля перевели в общую камеру – № 67 (4), из нее – в камеру № 53 (5). Александр Исаевич называет шесть своих сокамерников (6), из них наиболее близко он сошелся с Арнгольдом Сузи (7) – несостоявшимся кандидатом на пост министра эстонского правительства (8).

Как явствует из опубликованных материалов, на первом допросе 20 февраля А. И. Солженицын отверг предъявленное ему обвинение (9). 26 февраля на вопрос И. И. Езепова с какой целью он хранил портрет Л. Д. Троцкого, Александр Исаевич якобы заявил: «Мне казалось, что Троцкий идет по пути ленинизма» (10). Сказать такое в 1945 г. означало подписать себе обвинительный приговор. На очередном допросе 3 марта последовало признание вины (11).

В свое время А. И. Солженицын описал более тридцати способов воздействия на подследственных для получения

необходимых показаний, но не привел ни одного факта из собственного опыта. И неслучайно. «Мой следователь, – пишет он, – ничего не применял ко мне, кроме бессонницы, лжи и запугивания – методов совершенно законных» (12).

В первом издании «Архипелага» он объяснял это следующим образом:

«Содержание наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих. Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня» (13).

Во втором издании мы читаем: «Содержание одних наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих; от момента, как они стали ложиться на стол оперативников цензуры, наша с Виткевичем судьба была решена, и нам только давали довоёвывать, допринести пользу. Но беспощадней: *уже год каждый из нас носил по экземпляру* неразлучно при себе в полевой сумке, чтобы сохранилось при всех обстоятельствах, если один выживет – *«Резолюцию № 1», составленную нами при одной из фронтовых встреч...* Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня» (14).

Попробуем разобраться и прежде всего начнем с переписки.

«Когда я потом в тюрьмах рассказывал о своем деле, – пишет А. И. Солженицын, – то нашей наивностью вызывал только смех и удивление. Говорили мне, что других таких

телят и найти нельзя. И я тоже в этом уверился. Вдруг, читая исследование о деле Александра Ульянова, узнал, что они попались на том же самом – на неосторожной переписке...» (15)

Участник группы Александра Ульянова П. Андреюшкин, чье письмо, содержащее фразу о терроре, привело к раскрытию готовившегося покушения на Александра III, мог не знать о существовании перлюстрации (16), а Александр Исаевич этого не мог не знать, так как на всех конвертах, уходящих во время войны из армии, ставился штамп «Проверено военной цензурой» (17).

Понимая, что некоторым читателям известен данный факт, А. И. Солженицын дополняет свою версию утверждением, будто бы он думал, что военная цензура контролирует только военные тайны (18), и почему-то полагал, что к своим обязанностям относится формально (19). Между тем нетрудно понять, что, обнаружив письмо с антисоветскими высказываниями, цензор обязан был обратить на него внимание, в противном случае его могли обвинить в сокрытии криминальной информации со всеми вытекающими для него самого последствиями – статья 58–12 Уголовного кодекса РСФСР (недонесение) (20).

Что же было криминального в переписке Н. Д. Виткевича и А. И. Солженицына? Если вернуться к приведенному ранее тексту «Постановления» об аресте, то в нем фигурировали фрагменты солженицынских писем, содержавшие кри-

тику И. В. Сталина как теоретика.

Стремясь получить на этот счет более полное представление, я в одной из бесед с Н. Д. Виткевичем специально задал ему вопрос о содержании переписки:

– О чем писали?

– *Критиковали военное руководство.*

– И все?

– *И все.*

– А теоретические вопросы затрагивали?

– Может быть».

Здесь Николай Дмитриевич испытал некоторое затруднение и ничего более о переписке вспомнить не смог. В черновой записи у меня отмечено: «Уходит от вопросов» (21).

Оказывается, один из корреспондентов не только плохо помнил содержание переписки, из-за которой оказался за колючей проволокой, но и характеризовал его иначе, чем постановление об аресте.

Еще более удивительно в этом отношении Определение военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации А. И. Солженицына: «Из материалов дела видно, что Солженицын в своем дневнике и в письмах к своему товарищу Виткевичу Н. Д., говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности социалистической революции в нашей стране и неизбежной победе ее во всем мире, высказывался против культа личности Сталина, *писал о художественной и идейной слабости литературных произведе-*

ний советских авторов, о нереалистичности многих из них, а также о том, что в наших художественных произведениях не объясняется объемно и многосторонне читателю буржуазного мира историческая неизбежность побед советского народа и армии и что наши произведения художественной литературы не могут противостоять ловко состряпанной буржуазной клевете на нашу страну» (22).

Итак, по мнению Военной коллегии Верховного суда СССР, главное место в переписке А. И. Солженицына и Н. Д. Виткевича занимала не критика И. В. Сталина как теоретика и военачальника, а критика *«художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов»*.

Три источника и три совершенно разные характеристики криминальной переписки. Особенно поразительно расхождение между двумя официальными документами.

Из беседы с Н. Д. Виткевичем:

– Переписка велась через полевую почту. Неужели не боялись?

– Она же имела конспиративный характер.

– Ваша конспирация была слишком прозрачной.

– Ну... думали свобода слова.

– У нас?

– Нам все равно нечего было терять. Смерть постоянно висела над нами.

– У Вас может быть, но Александр Исаевич был далеко от передовой.

Новое затруднение с ответом.

– Ну... просто лезли на рожон» (23).

В чем же заключалась конспиративность этой переписки?

Если верить ее корреспондентам, несмотря на «ребяческую беззаботность», у них хватило ума не упоминать И. В. Сталина под своим именем. В беседе со мной 8 января 1993 г. Н. Д. Виткевич заявил: «Сталина мы называли *Пахан*» (24). О том, что в своей переписке они «поносили Мудрейшего из Мудрейших», «прозрачно закодированного» ими «в *Пахана*» А. И. Солженицын пишет как в «Архипелаге» (25), так и в автобиографической поэме «Дороженька» (26)

Тому, кто хоть немного знаком с той эпохой, трудно представить себе критическую переписку о И. В. Сталине, в которой последний фигурировал бы под своей фамилией. Еще более невероятно обозначение его в подобной переписке кличкой «Пахан». И дело не только в настроениях и условиях того времени. Если бы И. В. Сталин действительно упоминался в переписке под такой кличкой, то, независимо от ее содержания, тогда этого было достаточно для привлечения авторов писем к ответственности, так как подобная кличка означала не только оскорбление верховного главнокомандующего, главы партии и государства, но и характеристику существовавшего политического строя как преступного по

своему характеру. Абсурднее конспирацию вряд ли можно вообразить.

Обратимся теперь к «Резолюции № 1» (27).

Во время встреч с Н. Д. Виткевичем я трижды просил его раскрыть содержание этого документа и объяснить, почему он так странно назывался, всякий раз Николай Дмитриевич искусно уходил от ответа (28). Более «откровенным» в этом отношении оказался А. И. Солженицын:

«...Я, – утверждает он, – не считаю себя невинной жертвой, по тем меркам. Я действительно к моменту ареста пришел к весьма уничтожающему мнению о Сталине, и даже с моим другом, однодельцем, мы составили такой письменный документ *о необходимости смены государственного строя* в Советском Союзе» (29).

«“Резолюция” эта, – читаем мы в «Архипелаге», – была – энергичная сжатая критика всей *системы обмана и угнетения* в нашей стране» (30). Раскрывая характер этой критики, Александр Исаевич уточнял, что советская система характеризовалась в названном документе как феодальная (31). А затем «Резолюция № 1», «как прилично в политической программе, набрасывала, чем государственную жизнь исправить» (32). К сожалению, ни Н. Д. Виткевич, ни А. И. Солженицын не раскрыли конкретное содержание своей программы «исправления» «государственной жизни» (33). Далее, если верить А. И. Солженицыну, в «Резолюции» говорилось: «Наша задача такая: определение момента

перехода к действию и нанесение решительного удара по послевоенной *реакционной* идеологической надстройке» (34). Завершалась «Резолюция» словами: «Выполнение всех этих задач невозможно без организации» (35).

«Даже безо всякой следовательской натяжки, – резюмирует А. И. Солженицын, – *это был документ, зарождающий новую партию*. А к тому прилегали и *фразы переписки* – как после победы мы будем вести *«войну после вой ны»*» (36).

Когда же Александр Исаевич осознал порочность советской политической системы, пришел к убеждению о необходимости борьбы с нею и оказался морально готов к ней? Некоторое представление на этот счет, казалось бы, дает одно из его писем, адресованных Н. А. Решетовской в конце 1944 – начале 1945 гг.:

«С удивлением, – писал он, – обнаруживаю, каким переломным оказался для меня истекший 26-й год жизни... Все изменения, которые накапливались во мне конец 41-го, 42-й и 43-й год – *все они с беспощадной отчетливостью вскрылись в 44-м*. Кроме ленинизма и желания всю жизнь отдать за него – все, что было дорого мне в 41-м или ниспровергнуто и – не хочется понимать или переосмыслено по-новому» (37).

Если верить этому письму, получается, что решающее значение в переоценке ценностей имел для А. И. Солженицына 1944 г. Между тем, по его же собственному свидетельству, «Резолюция № 1» появилась на свет уже *2 января*

1944 г., т. е. до пересмотра Александром Исаевичем своих прежних взглядов (38).

Но дело не только в этом. Та борьба, на путь которой якобы встал автор этого документа, требовала от него не только осознания, что созданная к началу войны советская система не имела никакого отношения к социализму, не только стремления к переустройству общества на более гуманных и справедливых началах, но и совершенно исключительных моральных качеств, прежде всего готовности к самопожертвованию.

Обладал всем этим наш герой?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, вспомним, как в студенческие годы он, клянясь в верности советской власти и ленинизму, пытался уклониться от военной службы, причем таким способом, на который решится не каждый, вспомним, как он надеялся пересидеть войну в обозе, как, будучи курсантом, со страхом думал о возможности попасть под Сталинград, а, став командиром батареи, вел себя с подчиненными как самодур, стремясь выслужиться, бросал людей под пули, создал на батарее собственную гауптвахту, вспомним «Прусские ночи».

И это позднее он сам сказал о себе: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был – *вполне подготовленный палач*. И попади я в училище НКВД при Ежове – может быть у Берии я вырос бы как раз на месте?...» (39). «В упоении молодыми успехами я ощущал се-

бя непогрешимым и оттого был жесток. *В переизбытке власти я был убийца и насильник*. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был стройными доводами. *На гниющей тюремной соломке ощутил я в себе первое шевеление добра»* (40)

Итак, если верить А. И. Солженицыну, «*первое шевеление добра*» в самом себе он ощутил только после ареста «*на гниющей тюремной соломке*». Только «лежа на тюремных нарах, — пишет он, — я стал как-то переглядывать свой действительный офицерский путь — и **ужаснулся**» (41).

Мог ли человек, который, по его собственным словам, был в душе насильник, убийца и палач, еще не осознав собственных пороков, вдруг увидеть в насилии порочность существующей общественной системы? Конечно, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.